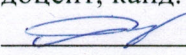
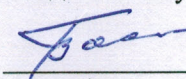

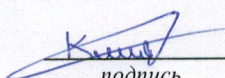
Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (НИ ТГУ)
Факультет исторических и политических наук
Кафедра археологии и исторического краеведения

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ В ГЭК
Руководитель ООП
доцент, канд. ист. наук
 Ж.А. Рожнёва
« 17 » 06 2019 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА БАКАЛАВРА
КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕС-ТЫЙ-ЯГ
по основной образовательной программе подготовки бакалавров
направление подготовки 46.03.01 – История

Квасница Юлия Константиновна

Руководитель ВКР
канд. ист. наук, доцент
 Е. А. Васильев
подпись
« 10 » июня 2019 г.

Автор работы
студент группы № 031506
 Ю. К. Квасница
подпись

АННОТАЦИЯ

Объект исследования: керамический комплекс неолитического поселения Чес-тый-яг.

Предмет исследования: технологические и декоративные особенности комплекса.

Целью работы является выявление технологических и декоративных особенностей керамического производства на неолитическом поселении Чес-тый-яг.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Изучить и освоить основы методики и методологии работы с археологической керамикой;
2. Рассмотреть историю изучения неолитических керамических комплексов в территориальных рамках исследования;
3. Провести технологический и декоративно-морфологический анализ керамики комплекса Чес-тый-яг; на основе этого анализа разработать классификацию честыйягской керамики;
4. Выполнить сравнительный анализ и сопоставление технологических и декоративно-морфологических стандартов поселения Чес-тый-яг с материалами сопредельных территорий.

Хронологические рамки работы ограничены временем неолита Урала и Зауралья, охватывающим период с VI по начало III тыс. до н.э.

Территориальные рамки исследования включают в себя Нижнеобскую и Приуральскую провинции таежной зоны Западной Сибири, а также Приполярный Урал, территория которого с севера ограничена истоком реки Ляпин, а с юга – горой Тельпосиз. Кроме того, в работе были проанализированы материалы сопредельных территорий Урала и Зауралья.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на разделы, заключения, списка литературы и приложения.

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, дается характеристика памятника Чес-тый-яг, приводятся основные точки зрения на интерпретацию керамического комплекса поселения, определяется объект и предмет исследования, формулируется цель и задачи работы, объясняется выбор хронологических и территориальных рамок исследования, теоретико – методологических основ работы.

В первой главе настоящей работы приведена история становления современных методических и методологических подходов к изучению археологической керамики в отечественной и зарубежной науках, выделены основные периоды. Отражена степень

изученности неолитических керамических комплексов Урала и Зауралья, в том числе керамического комплекса памятника Чес-тый-яг. Сделаны выводы о необходимости введения в научный оборот новых данных в связи с наличием «белых пятен» на древней карте региона, обостряющих проблему создания хронологического-типологического обобщения, позволяющих проследить культурно-генетические связи населения.

Во второй главе работы приведены географические и природно-климатические условия региона, обозначенного рамками исследования, в период неолита, сделаны выводы о качестве местного сырья, необходимого для создания формовочной массы древними мастерами поселения. Проведен технико-технический и морфолого-декоративный анализ керамического комплекса Чес-тый-яг в рамках историко-культурного подхода, дана классификация сосудов, выявлены основные особенности гончарной традиции населения памятника.

В третьей главе содержатся данные сравнительного анализа керамики Чес-тый-яг и неолитических комплексов Урала, Зауралья, а также территорий, обнаруживающих тесные связи с населением обозначенного региона в эпоху неолита. Описываются возможные варианты появления памятника и его культурно-генетических связей.

В заключение автор настоящей работы приводит результаты проведенного исследования, делает выводы о появлении и культурно-генетических связях памятника Чес-тый-яг.

Список литературы и источников содержит использованные автором в ходе работы материалы. Приложение включает карты и фотографии, иллюстрирующие некоторые особенности памятника Чес-тый-яг и его керамического комплекса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1 История изучения археологической керамики	11
1.1 О становлении методики и методологии работы с археологической керамикой в отечественной археологии	11
1.2 О становлении методики и методологии работы с археологической керамикой в зарубежной археологии.....	19
1.3 Проблемы изучения керамических комплексов Урала и Зауралья	25
Глава 2 Техничко-технологические и морфолого-декоративные особенности керамического комплекса Чес-тый-яг	32
2.1 Техничко-технологические основы гончарного производства	32
2.2 Декоративные особенности керамического комплекса	42
Глава 3 К вопросу о культурно-генетических связях населения памятника Чес-тый-яг	49
3.1 Культурная специфика древнего населения памятника Чес-тый-яг.....	49
3.2 Культурно-генетические связи населения памятника Чес-тый-яг.....	54
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	66
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	72
ПРИЛОЖЕНИЕ А	79
ПРИЛОЖЕНИЕ Б	80

ВВЕДЕНИЕ

Неолитическая эпоха – особый период в древней истории Западной Сибири. Именно в это время закладываются основы традиций, предопределивших своеобразие всего последующего культурогенеза. Однако до сих пор в археологии неолита Севера Западной Сибири остается немало трудностей. Дискуссионен вопрос о периодизации, о культурно-генетических связях местного населения с культурами пограничных территорий. **Проблема** заключается в мозаичности неолитических культур лесной и таежной зон Западной Сибири, сосуществовании и развитии нескольких орнаментальных традиций на протяжении всей эпохи, а также в наличие целого ряда возможных путей, обеспечивавших связи Западной Сибири в различных направлениях.

Актуальность темы обуславливается еще и тем, что к настоящему времени совсем непонятным остается место в неолите таежной зоны Западной Сибири волнисто-прочерченных комплексов, к которым относится комплекс поселения Чес-тый-яг. Введение в научный оборот новых статистических данных о керамике Чес-тый-яга, а также представление разработанной в ходе исследования классификации сосудов, позволяет провести подробный сравнительный анализ с комплексами сопредельных территорий, выявить культурно-генетические связи древнего населения памятника, что в дальнейшем, по нашему мнению, позволит уточнить некоторые данные не только о месте в неолите региона конкретного комплекса, но и место прочих комплексов, определяемых специалистами как волнисто-прочерченные. Исследование отдельных комплексов и связанных с ними микрорайонов представляется на наш взгляд перспективным в связи с возможностью построения типологий и основанных на них хронологических шкал, сопоставление которых, в свою очередь, позволит получить более точную картину этнокультурных процессов, протекавших на севере Западной Сибири и на сопредельных территориях.

Для того чтобы оценить **степень изученности темы**, обратимся к истории открытия и изучения памятника, а также приведем его краткую характеристику.

Поселение Чес-тый-яг находится в заболоченной пойме левобережья р. Ляпин, в 2,5 км от ее современного русла и в 3,5 км от поселка Саранпауль Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [См. ПРИЛОЖЕНИЕ А, Рис. 1]. Оно расположено на южном мысе останца надпойменной террасы, называемого по-зырянски Чес-тый-яг и возвышающегося на 5-6 метров над уровнем окружающих болот.

Впервые памятник был открыт в 1934г. геологом С. Г. Бочем, который назвал его Саранпаульской стоянкой и заложил шурф в жилище № 1¹. В 1935 году разведочные работы были продолжены В. Н. Чернецовым. Он переименовал памятник в стоянку Честый-яг, расчистил и продолжил, заложенный С. Г. Бочем шурф, и позже ввел в научный оборот весь полученный материал². Им же был составлен план стоянки, указывающий на наличие «более семнадцати землянок, расположенных очень близко одна от другой»³. Вся собранная керамика определялась В. Н. Чернецовым как остатки сосудов параболической и яйцевидной форм, выполненных в технике ленточного налёпа и орнаментированных по всей поверхности гребенчатым штампом и наколами, при этом ученый обратил внимание на близость честыйягских материалов и материалов памятников Хулюм-сунт и Сортынья, расположенных вдоль р. Северная Сосьва.

В 1968 году памятник был обследован В. Ф. Старковым. Он снял достоверный инструментальный план поселения и нанес на него 18 земляночных западин, нумерация которых сохранена в настоящей работе. В.Ф. Старков провел рекогносцировочные раскопки жилища №2, проложив через его котлован две взаимно перпендикулярные траншеи общей площадью 28 кв.м⁴.

В 1983 году Северотаёжным отрядом Археологической экспедиции Томского государственного университета под руководством Е. А. Васильева в соответствии с перспективным планом изучения древней истории Западной Сибири были начаты крупные стационарные работы на памятнике. Они получили продолжение в 1985-1987, 1997 и 2003 годах. Всего было исследовано свыше 1400 кв.м. площади поселения, исследованы котлованы пяти жилищ. Автором раскопок поселение было датировано концом IV – началом III тыс. до н.э⁵.

Все 18 жилищных западин хорошо заметны на современной поверхности. Они подпрямоугольны по форме и окружены сглаженными валами – остатками кровельной засыпки. Площади жилищ оцениваются по-разному. По мнению В. Ф. Старкова, площадь

¹ Боч С. Г. Стоянка в бассейне Северной Сосьвы и Конды // Тр./Комиссия по изучению четвертичного периода. М.;Л., 1937. Т.5. С.150–160.

² Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. М., 1953. №35. С.12–14.

³ Указ. соч. С. 12.

⁴ Старков В. Ф. Неолитические памятники Нижнего Приобья // Памятники древнейшей истории Евразии, М., 1975. С. 151–152.

⁵ Архив МАЭС ТГУ. Е. А. Васильев. Отчет о полевых работах Северотаёжного отряда археологической экспедиции Томского государственного университета. № 963, 1220, 1222.

землянок колеблется от 27 до 277 кв.м.⁶, В. Н. Чернецов полагал, что площадь самых больших жилищ достигает 600 кв.м.⁷, Е. А. Васильевым после проведения раскопок размер жилищ условно поделен на малые (60-70 кв.м.), средние (100-120 кв.м.) и большие (150-250 кв.м.)⁸.

Сами жилища представляли собой глубокие землянки с нарами вдоль стен, котлован которого включал жилую камеру подпрямоугольной формы и выход в виде округлой ямы с отвесными стенками, соединенными с основным помещением узким коридорным проходом. По всему периметру жилищ фиксируются нары как хорошо выраженный материковый уступ высотой 25-30 см, на поверхности которых сохранились локальные следы охристой прослойки. В центральной части землянок находились, как правило, очаг, несколько хозяйственных углублений и столбовые ямы, располагавшиеся вдоль внутреннего абриса нары с интервалом в 1-2 м. Пол фиксировался по уплотненной почве, окрашенной в грязно-фиолетовый цвет с многочисленными пятнами охры [См. ПРИЛОЖЕНИЕ А, Рис. 2].

Керамический комплекс поселения, первоначально определенный В. Н. Чернецовым как гребенчатый, позднее был отнесен к волнисто-прочерченным комплексам. Наличие нестандартных ладьевидных форм и непривычно большие размеры жилищ послужили поводом для дальнейших исследований памятника с целью определения связей данной традиции с культурами сопредельных территорий.

По мнению ряда исследователей на волнисто-прочерченные комплексы севера Западной Сибири оказала влияние неолитическая кельтеминарская культура полуоседлых и оседлых рыболовов, проживавших в южном Приаралье (древняя Акчадарьинская дельта Амударьи и сопредельные территории) в VI – III тыс. до н.э.

Гипотеза о влиянии на Уральский и Зауральский неолит данной культуры, впервые выдвинутая В. Н. Чернецовым, в дальнейшем получила развитие в работах поздних

⁶ Старков В. Ф. Неолитические памятники Нижнего Приобья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 151–152.

⁷ Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. М., 1953. №35. С.12–14.

⁸ Васильев Е.А. Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. С. 296–297.

исследователей: Е. А. Васильева⁹, В. Т. Ковалевой¹⁰, Л. Л. Косинской¹¹, Т. Н. Собольниковой¹² и др.

При этом многочисленные волнисто-прочерченные комплексы Приполярного Урала (честыйягский, сумпаньинские, козловские, барсовские), даже несмотря на отдельные их сходства, не могут быть связаны с одной определенной культурной традицией. В таежной зоне Западной Сибири к настоящему времени в ранге археологических культур выступают пока только сумпаньинские памятники бассейна Конды и быстринские Сургутского Приобья. В Нижнем Приобье неолит, по мнению исследователей, представлен всего двумя достоверно выявленными культурными типами – честыйягским и амнинским.

По мнению Л. Л. Косинской типолого-хронологическое соотношение культур для данного региона выглядит следующим образом: наиболее древние памятники севера Западной Сибири имеют в составе плоскодонную керамику и относятся к амнинскому и каюковскому типам, а также, возможно, к «добыстринским» комплексам Сургутского Приобья. За ними следуют комплексы сумпаньинской культуры. К следующему хронологическому горизонту относятся быстринская археологическая культура и поселение Чес-тый-яг¹³.

Мы согласны с мнением исследовательницы о слабой степени изученности региона (ни один поселенческий комплекс не был раскопан полностью), а также о недостатке и при этом большом разбросе уже имеющихся радиоуглеродных датировок. Все эти

⁹ Поздний неолит Нижнего Приобья. Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М. Наука, 1987. С. 59–60.; Миграционные процессы в таежной полосе Западной Сибири в энеолитическую эпоху. Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск:Изд-во Том.ун-та, 1987. С.13–14.; К проблеме среднеазиатско-западносибирских связей в неолитическую эпоху. Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири.- Барнаул:Изд-во АГУ. 1991. С.31–33.

¹⁰ Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. 2008.С. 42

¹¹ Косинская Л. Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. – Ханты-Мансийск, 2006. С. 16–40.

¹² Собошникова Т. Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита-ранней бронзы : дис. – Алтайский государственный университет, 1998. [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/goncharnye-traditsii-nizoviy-kondy-v-epohu-neolita-ranney-bronzy> (дата обращения 21.04.19)

¹³ Косинская Л. Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. – Ханты-Мансийск, 2006. С. 19–22.

проблемы, как и общие проблемы методики и методологии, подробно описанные в первой главе настоящей работы, привели к тому, что культурогенез северных районов Западной Сибири находится пока лишь в начальной стадии изучения, а сравнение керамики таежных районов с керамикой более южных (подтаежных и лесостепных) зон является в настоящий момент, наиболее перспективным.

Для решения обозначенной выше проблемы нами была поставлена следующая **цель**: выявить технологические и декоративные особенности керамического производства на неолитическом поселении Чес-тый-яг.

Для достижения поставленной цели выдвинуты следующие **задачи**:

1. Изучить и освоить основы методики и методологии работы с археологической керамикой;
2. Рассмотреть историю изучения неолитических керамических комплексов в территориальных рамках исследования;
3. Провести технологический и декоративно-морфологический анализ керамики комплекса Чес-тый-яг; на основе этого анализа разработать классификацию честыйягской керамики;
4. Выполнить сравнительный анализ и сопоставление технологических и декоративно-морфологических стандартов поселения Чес-тый-яг с материалами сопредельных территорий.

Объектом исследования стал керамический комплекс неолитического поселения Чес-тый-яг, **предметом** – технологические и декоративные особенности комплекса.

Хронологические рамки работы ограничены временем неолита Северной Азии, охватывающим период с VI по начало III тыс. до н.э.

Территориальные рамки исследования включают в себя Нижнеобскую провинцию таежной зоны Западной Сибири, а также Приполярный Урал, территория которого с севера ограничена истоком реки Ляпин, а с юга – горой Тельпосиз. Кроме того, в работе были проанализированы материалы сопредельных территорий Урала и Зауралья.

Методологическая основа исследования включает базовые принципы современной исторической и археологической наук, такие как принцип объективности, историзма и системности, которые позволяют рассматривать события в их развитии и взаимосвязи, благодаря чему возможен комплексный анализ археологических источников.

Для характеристики поселенческих слоев и условий залегания керамического материала использовались данные, полученные при изучении стратиграфии и планиграфии памятника; для анализа керамических изделий методы: сравнительно-

типологический, аналогии, графической реконструкции, статистики. Помимо этого, при поиске аналогий с полученными в ходе статистического анализа данными в работе был использован метод картографирования.

Источниковую базу исследования составляют археологическая коллекция фонда МАЭС ТГУ № 7540, отчеты Е. А. Васильева о полевых работах Северотаёжного отряда археологической экспедиции Томского государственного университета № 963, 1220, 1222.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, каждая из которых, в свою очередь, подразделяется на разделы, заключения, списка литературы и приложения.

Глава 1 История изучения археологической керамики

1.1 О становлении методики и методологии работы с археологической керамикой в отечественной археологии

Говоря об истории изучения археологической керамики в каком-либо из отдельных регионов, мы, безусловно, должны учитывать историю изучения этого материала в общем – по всей стране, а также за ее пределами. Становление и совершенствование методов и методологии изучения керамики происходило под влиянием многих факторов, а это значит, что для рассмотрения историографии узко локализованной территории нам необходимо представлять себе общие тенденции, влияющие на уровень развития археологической науки на разных ее этапах. Потому первый и второй параграф настоящей главы мы посвятим истории становления методики и методологии работы с археологической керамикой в отечественной и зарубежной науках.

Керамические черепки, в отличие от органических изделий, сохраняются в земле тысячелетиями. Поэтому керамика является одним из самых массовых источников первобытности. При многоплановом системном анализе этот источник способен дать сведения о технологическом процессе древнего гончарного труда и степени его развития, о семейно-брачных отношениях и этнокультурных контактах, что в свою очередь позволяет восстановить следы первобытных миграционных процессов. В таком случае интерес отечественных и зарубежных исследователей к данному виду источника становится очевиден.

Проблеме изучения археологической керамики посвящено большое количество отечественных работ, а методы ее изучения в процессе своей эволюции прошли несколько этапов: от эмоционально-описательного и формально-классификационного до историко-культурного. Именно такая классификация, на наш взгляд, выглядит наиболее удачно для определения концептуального содержания научных трудов по изучению керамики, хотя, и не является бесспорно универсальной, хотя бы потому, что границы каждого из периодов, предложенных этой классификацией, определяются достаточно широко.

В конце XIX – начале XX вв. в археологии России наблюдается начальный период сбора и осмысления материалов по теме первобытного гончарства.

Одним из первых к вопросу изучения керамики обратился П. А. Путятин. Являясь членом Императорского Русского Географического общества по отделению Этнографии,

на VI археологическом съезде в Одессе в 1884 г. он выступил с сообщением «О гончарном искусстве в каменном веке»¹⁴. Это сообщение имело большой успех и впервые поставило вопрос о методах изучения керамики. К тому же году относится и другая работа Путятин «Орнаментации древнего гончарства»¹⁵.

В своих трудах Путятин обращался не только к описательным характеристикам, но и к технологии производства древней керамики, а также использовал результаты исследований, полученных им в ходе экспериментов по воссозданию сосудов с помощью различных методов и инструментов. В числе исследователей того времени также А. С. Уваров, А. Е. Теплоухова, О. Е. Клер, внесшие существенный вклад в начальный этап становления методики исследования керамики.

Работы, относящиеся к этой – **эмоционально-описательной фазе**, – достаточно дескриптивны и подробны, но, в целом, не отличаются системностью: они носили скорее частный характер, исключавший единство системы и терминологии. Отсюда и название самой фазы: археологи описывали находки исходя из собственных ассоциаций, не пытались вводить универсальных обозначений, и, вероятно, на тот момент не видели в этом необходимости.

Новой вехой в развитии методов изучения керамики, без сомнения, можно считать работу археолога В. А. Городцова «Русская доисторическая керамика», вышедшую в 1901 году. Эта работа значима тем, что стала, по сути, первой обобщающей методикой по изучению археологической глиняной посуды. В своем труде В. А. Городцов предпринял первые попытки выработки единых номенклатуры и системы описания древней русской керамики. Предлагаемая им система планировалась сообразно естественному ходу изготовления изделий, а номенклатура составлялась из наиболее общеупотребительных в литературе и живой речи понятий (тулово, плечики, шея и т.д.)¹⁶. Эта работа Городцова примечательна еще и потому, что ее автор относится к керамике, как к самостоятельному полноценному историческому источнику: «На первое время кажется, что остатки доисторической керамики не могут быть характерными для научных определений ни времени, ни культуры, а тем более расы или племени их владельцев... Только более серьезное и глубокое исследование предметов приводит к противоположному заключению. Такое исследование помогает установить множество черт, по которым столь

¹⁴ Путятин П. А. О гончарном искусстве в каменном веке // Изв. Императ. рус. географ. общ-ва.– С-Пб., 1884. Т. 20. №. 3. С. 280–309.

¹⁵ Путятин П. А. Орнаментация древнего гончарства // Труды VI Археологического съезда. Т. I. Одесса, 1886. С. 71–85.

¹⁶ Городцов В. А. Русская доисторическая керамика // Тр. XI АС в Киеве. 1901. Т. 1. С. 583.

же легко определить и относительную древность памятников, и тип той культуры, плодом которой они явились на свет, как и по всяким другим археологическим памятникам»¹⁷.

Таким образом, эмоционально-описательный подход к изучению керамики заключался в появлении устойчивого интереса ученых-археологов к керамике как археологическому и историческому источнику, а также в использовании в качестве основных методов исследования – наблюдения и сравнения, и, в частных случаях, метода научного эксперимента.

С начала 1920-х гг. появляются новые методические приемы в исследовании археологического материала, связанные с применением естественных наук. Это время считается началом новой – **формально-классификационной фазы**. Характер изучения керамики становится более формализованным, подробно рассматриваются формы сосудов, технология производства, орнамент. Так, например, благодаря исследованиям Д. К. Зеленина, М. П. Грязнова, М. В. Воеводского и других ученых среди археологов стало утверждаться мнения о ленточном (кольцевом) способе формировки сосуда, как об одном из основных в древности.

На работы М. В. Воеводского следует обратить особое внимание. В своих исследованиях он отвергает использование исключительно описательных характеристик, а для разрешения ряда вопросов проводит аналогии с существующими в современности приемами гончарства, собранными им во время изучения гончарной технологии. Помимо данных этнографии, Михаил Вацлавович одним из первых стал использовать для анализа керамики естественнонаучные технологии. Так, ученый активно сотрудничал с Антропологическим научно-исследовательским институтом Московского Государственного Университета, применяя разработанные его сотрудниками технологии естественнонаучного исследования для анализа археологических предметов. В своей статье «К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР», М. В. Воеводский отмечал: «Реконструкция формы [сосудов] при наличии более менее крупных фрагментов значительно облегчается изобретением прибора, применяемого в Антропологическом научно-исследовательском институте Московского государственного университета. При зачерчивании профилей фрагментов этим прибором последние получают уже с готовой ориентировкой»¹⁸.

В целом же формально-классификационный подход, характеризующий данный

¹⁷ Городцов В. А. Русская доисторическая керамика // Тр. XI АС в Киеве. 1901. Т. 1. С. 578.

¹⁸ Воеводский М. В. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. // СА, № 1. М. – Л., 1936. С. 54.

период развития методики и методологии изучения древней керамики, определил объектом своего исследования морфологические и физико-химико-технические характеристики сосуда. Работы этого времени представляли собой различные очень детализированные классификации по формальным признакам и их численному соотношению.

Однако, уже начиная с 1950-х гг., в отечественной науке началось постепенное углубление методики технологического анализа, выразившееся в дифференциации исследовательских подходов. Наряду с совершенствованием методики визуальной технологической оценки, представленной работами Я. В. Станкевича, С. А. Семенова и др., разрабатываются методические приемы глубокого инструментального анализа методами естественных наук, среди последователей которого можно назвать О. Ю. Круга, Н. С. Гражданкину, В. С. Митричева.

Оба этих метода наряду с бесспорными достоинствами имели свои недостатки. В случае с методом визуальной оценки таким недостатком являлось отсутствие четких методических приемов анализа, массовой экспериментальной проверки выдвинутых предположений, а значит, результаты его применения носили зачастую субъективный характер с большой долей вероятности правильной оценки.

Недостаток инструментального анализа методами естественных наук был во многом связан с невозможностью широкого использования естественных наук, с отсутствием специалистов, которые могли бы расшифровать специфический естественнонаучный язык, сделав его доступным для большинства археологов. В. И. Молодин и Л. Н. Мыльникова рассуждая об этой проблеме, замечали следующее: «В мировой литературе практически отсутствует стандартный (или хотя бы единообразный) подход к исследованию образцов древней керамики с применением методов естественных наук. Среди [недостатков] главными являются: отсутствие широкого доступа археологов к использованию физических и химических методов. Отсюда бессистемность и случайность получаемых результатов, и, как следствие невозможность их сравнения. Отсутствие специалистов среди археологов и слабая заинтересованность «естественников» привели к тому, что до сих пор не обобщены методические приемы проведения отдельных анализов»¹⁹.

Однако в дальнейшем эти методы получили закономерное развитие, и те попытки, которые были предприняты для их усовершенствования, позволили существенно

¹⁹ Молодин В. И., Мыльникова Л. Н. Теория и практика исследования древней керамики: традиционные и новейшие методы // СНВ. 2015. №3 (12). С. 122.

сократить влияние отрицательных факторов на информативность подобных исследований²⁰.

На сегодняшний день в рамках метода инструментального анализа с помощью естественных наук все еще остро стоит проблема единой методики исследования. Для решения этой проблемы, на наш взгляд, необходимо широкое использование компьютерного анализа древней керамики, в том числе методики определения качественного состава различных искусственных примесей в ее составе, а также концентрации этих примесей в формовочной массе. Компьютерный анализ, проводимой по единой унифицированной схеме, позволил бы систематизировать проводимые исследования, а значит сделать их понятными и полезными для широкого круга специалистов.

На современном этапе изучения керамики как исторического источника в отечественной науке сложились два наиболее крупных направления, использующие оба рассмотренных нами ранее метода: функциональный подход, представленный работами И.Г. Глушкова, и историко-культурный подход, впервые предложенный А. А. Бобринским и в дальнейшем получивший развитие в работах его учеников, в частности Ю. Б. Цетлина.

Функциональный подход в своей монографии «Керамика как археологический источник» И. Г. Глушков объясняет следующим образом: «Вся производственная деятельность первобытного человека — это его адаптация в различных формах к окружающему миру природы. Механизм ее коренится в единстве человеческой психики, мироощущения и восприятия индивида». И сосуд в данном случае выступает как «своеобразный продукт взаимодействия естественного (природного) и искусственного (антропогенного) факторов»²¹.

По мнению сторонников функционального подхода, становление традиции начинается с осознания функции изделия и его назначения. Следовательно, традиция представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных способов и приемов создания сосуда: материал соответствует функциям предмета, форма и технология взаимно соответствуют друг другу, и в свою очередь подчиняются орудиям изготовления. Так, например, И. Г. Глушков подробно рассматривает связь состава формовочной массы, технологии обработки и используемые орудия труда с их

²⁰ Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. [Электронный ресурс] // Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. URL: <https://arheologija.ru/glushkov-keramika-kak-istoricheskij-istochnik/> (дата обращения: 16.04.19).

²¹ Указ. соч.

функциональным назначением. В частности, одно из главных мест в его исследование занимает сам материал — глина и различные примеси, как один из основополагающих компонентов, формирующих гончарную традицию.

Помимо характеристики и диагностики морфологических признаков И. Г. Глушков обращает внимание на механизмы экспериментальной реконструкции. Он выделяет два уровня реконструкции, сравнивая их с методами работы детектива, и дает им названия соответствующие приемам, используемым одноименными литературными героями. Метод Брауна — он же «метод сопереживания» предполагает собой действие: ««поставь себя на мое место», то есть пытается сопоставить здравый смысл исследователя со смыслом, заложенным в изделие древним гончаром.

Второй метод — дедуктивный, использовавшийся знаменитым сыщиком из рассказов А. Конан Дойля, предполагает реконструкцию более глубокую и детальную. Дедуктивный метод предполагает рассматривать вещь не просто обособленным законченным произведением, а именно в контексте той среды, в которой эта вещь была изготовлена. Другими словами, видя перед собой керамический сосуд — результат, исследователь путем ретроспективного размышления должен представить те причины и факторы, которые обусловили появление именно такого результата.

Таким образом, И. Г. Глушков рассчитывает добиться наиболее полной и объективной модели реконструкции гончарной традиции, а также учесть при воссоздании картины древнего гончарства «функциональную обусловленность различных этапов, приемов и элементов в создании сосуда, которые отражаются в схеме культурной трансформации»²².

Становление другого — историко-культурного — подхода завершается в конце 1970-х годов в связи с выходом в свет работы А. А. Бобринского «Гончарство Восточной Европы». В этом труде Бобринский впервые системно излагает суть нового историко-культурного подхода, предлагая отказаться от исключительно формально-классификационного описания древнего сосуда, и воспринимать этот сосуд не как отдельно взятый предмет, но как целостный комплекс, как результат деятельности гончара, тех традиций, в рамках которых он работал. При таком подходе понятия «тип» и «признак» закономерно заменяются понятиями «культурные традиции» и «навыки труда» гончара.

Одним из источников формирования нового подхода помимо результатов изучения

²² Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. [Электронный ресурс] // Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. URL: <https://arheologija.ru/glushkov-keramika-kak-istoricheskiy-istochnik/> (дата обращения: 16.04.19).

археологической керамики, стали данные об этнографии гончарства и результаты научных экспериментов в рамках воссоздания древней гончарной традиции. Сведения этнографии позволили выделить основные исследовательские «единицы» (навыки труда и культурные традиции гончаров), и установить, что они неодинаково ведут себя в различных культурно–исторических ситуациях²³.

Историко-культурный подход получил развитие, прежде всего, благодаря дальнейшим работам самого А. А. Бобринского. На протяжении своей работы он выпустил ряд системных статей, в рядах которых можно выделить статью «Гончарная технология как объект историко-культурного изучения», вышедшую в 1999 году, и ставшую обобщающей для всех предыдущих трудов.

Работы учеников Бобринского развивают и совершенствуют историко-культурный подход вплоть до настоящего времени. В числе этих учеников можно назвать следующих ученых: Е. В. Волкова, Н. П. Салугина, И. Н. Васильева, Ю. Б. Цетлин.

В исследованиях этих специалистов большое значение посвящено решению таких задач, как системное выявление приемов и способов изготовления древней керамики (а не отдельных ее морфологических признаков); реконструкция навыков труда и культурных традиций в изучаемом гончарстве; привлечение полученной технологической информации в качестве источника по истории древнего общества. Методика данных исследований базируется на бинокулярной микроскопии, трасологии и эксперименте в виде физического моделирования, а объектом изучения являются технологические следы на сосудах, указывающие на применение гончарами определенных трудовых приемов и навыков²⁴.

Само понятие «историко-культурный» подход было сформировано в работах Ю. Б. Цетлина. В 2012 году вышла в свет его монография «Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода», ставшая первым системным трудом, обобщившим все прежние исследования, касавшиеся данного подхода.

В своей монографии Ю. Б. Цетлин приводит обширные данные по способам изготовления формовочного сырья, формированию сосуда и дальнейшей его обработки во взаимосвязи с культурными традициями древних гончаров. Значительное место в его труде занимают результаты научных экспериментов, нацеленных, в первую очередь, на разработку доказательных методов и приемов извлечения из керамики необходимой

²³ Цетлин Ю. Б. Древняя керамика // Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. С. 35.

²⁴ Васильева И. Н., Салугина Н. П. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. Самара, 2010. №. XV. С. 135–136.

системной информации о навыках труда и культурных традициях гончаров.

Главной положительной чертой историко-культурного подхода можно назвать возможность рассмотрение всех сторон древней керамики (включая технологию, формы и орнамент сосудов) как естественно возникающих системных образований, что обеспечивается системностью самих навыков труда, системностью культурных традиций и всей трудовой деятельности в целом.

Но, несмотря на большое количество положительных сторон, историко-культурный подход все же не решает ряда проблем. К числу этих проблем можно отнести недостаточную изученность и сложность выявления некоторых аспектов взаимосвязи процесса производства древнего сосуда с культурной и духовной составляющей, отсутствие методики обнаружения керамики одного мастера-гончара, а также отсутствие данных о связи орнамента с этнопсихологическими особенностями древнего человека. Однако историко-культурный подход возник лишь сравнительно недавно, и дальнейшая его разработка может обеспечить успешное разрешение, если не всех, то большинства названных проблем.

На наш взгляд, в самой сути двух, рассмотренных выше подходов, не существует коренного противоречия: специалисты обеих школ видят взаимосвязь между готовым сосудом и природными, естественными, а также культурными факторами, приведшими к созданию данного сосуда. То, что в функциональном подходе называют «взаимообусловленностью» в историко-культурном подходе называют «системностью», и пусть эти понятия не идентичны друг другу, они все же имеют значительное сходство. Функциональный подход четко определяет методы реконструкции, однако, в большинстве случаев, те же методы применяют сторонники историко-культурного подхода. Однако стоит отметить, что историко-культурный подход позволяет интерпретировать гончарную традицию шире, не вписывая ее в жесткие рамки «функционального назначения». Потому, вероятно, в работах исследователей последних лет, именно этот подход получил большее распространение.

На сегодняшний день одной из общих проблем изучения древней керамики вне зависимости от подхода, используемого исследователем, является то, что большинство получаемых в результате работы выводов носят гипотетический характер. Очевидно, что для того, чтобы считаться научными, эти выводы должны быть проверяемы, обладать прогностической функцией, предсказывая факты, выявляемые в дальнейших исследованиях, а также быть непротиворечивыми в рамках той системы анализа, которую ученый использовал для получения своих материалов.

В целом, характерной чертой настоящего этапа науки является то, что в изучении

керамики все еще применяются исследования, выполненные с позиций всех трех подходов: эмоционально-описательного, формально-классификационного и историко-культурного. В современной российской археологии все больше утверждается методика анализа керамики, основанная как на традиционных археологических методах, так и новых, связанных с привлечением результатов изучения с помощью естественных наук. Эти методы используются в разной степени, но при этом приводят к невозможности выработки единой системы исследовательских задач, а также разнобою в терминологии.

На наш взгляд, ряд проблем возможно решить с утверждением единой для всех специалистов методики, главным принципом которой будет системность изучения. Важно также установить единую терминологию, особенно в области орнаментальной традиции, так как зачастую использование разных терминов для понятий одного порядка вносит путаницу. Не менее значимым является получение широким кругом специалистов, изучающих археологическую керамику, навыков обработки естественно-научных данных, так как подробный технико-технологический и морфологический анализ имеет большой потенциал для определения этнокультурных процессов, которые для многих регионов страны все еще остаются дискуссионными.

1.2 О становлении методики и методологии работы с археологической керамикой в зарубежной археологии

Западноевропейская археология намного раньше отечественной преодолела любительскую стадию в развитии науки. К середине XIX в. в археологии Западной Европы уже сложились системы Габриэля Мортилье и Оскара Монтелиуса, были опубликованы сочинения Эдварда Тайлора, в то время, как в России археология находилась еще на стадии накопления археологических знаний и материалов²⁵.

В это время в европейской археологии шел активный процесс создания различных теорий происхождения культур и народов. Возникли концепции миграций, диффузионизма, географического детерминизма, экологическая школа²⁶.

Это не могло не отразиться на проблемах изучения керамики. К середине XIX в. в Великобритании и США уже были основаны профессиональные керамические общества,

²⁵ Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. [Электронный ресурс] // Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. URL: <https://arheologija.ru/glushkov-keramika-kak-istoricheskiy-istochnik/> (дата обращения: 16.04.19).

²⁶ Мартынов А. И. Археология. [Электронный ресурс] // Высш. шк., 2005. URL: <http://arheologija.ru/osnovnyie-etapyi-razvitiya-arheologii/> (дата обращения: 04.03.19).

регулярно издававшие свои исследования.

Как писал археолог и этнолог Э. Уильямс: «Керамика, как часть древней материальной культуры, была и остается на сегодняшний день любимейшим предметом археологии с момента начала систематических археологических исследований. Это особенно справедливо в таких областях, как Мезоамерика, где другие остатки прошлого (например, текстиль, деревянные артефакты, шкуры животных и т. д.) обычно не сохраняются»²⁷. Керамика в большинстве случаев являлась наиболее сохранившимся и наиболее распространенным аспектом материальной культуры, дошедшим до наших времен из прошлого, потому вполне объясним интерес ученых-археологов к ее исследованию уже на ранних стадиях формирования археологии как науки в западно-европейском мире.

Вероятно, впервые особое внимание ученых к первобытной керамике начинает проявляться в первой половине XIX в. В 1820-е гг. велись широкие раскопки города Вульчи в Центральной Италии. Известно описание этих раскопок, сделанное в мае 1829 г. сотрудником Римского Института археологической корреспонденции Эдуардом Герхардом. В 1831 г. он представил научный отчет в Римский Институт, в котором разделил всю добытую при раскопках посуду по ее декору на четыре хронологических группы: древнейшая «ориентализирующая» посуда, посуда с силуэтным стилем и черными фигурами по красному фону, посуда с красными фигурами по черному фону и посуда с роскошным живописным стилем. Этот отчет предоставил богатый материал для научных исследований археологам всех наций и положил основание изучения античных сосудов²⁸.

К 1920-м гг. относятся первые обобщающие работы — «Энциклопедия керамического производства» А. Скарле и «Основы описания керамики» Б. Марче, где впервые дана методическая сводка по качественному и количественному анализу археологической керамики.

В 1920-х годах американский археолог Альфред Киддер проводил раскопки в Пекос-Пуэбло, недалеко от Санта-Фе, Нью-Мексико. Во время раскопок он собрал обширную коллекцию керамики, благодаря которой смог установить непрерывные данные о стилях гончарных изделий, самое древнее из которых насчитывало возраст 2000 лет, вплоть до 1920-х годов. Затем Киддер проанализировал тенденции и изменения стилей

²⁷ Williams E. Pots, Pans, and People: Ceramic Ecology in West Mexico // Papers from the Institute of Archaeology. 1992. Т. 3. С. 44.

²⁸ Цетлин Ю. Б. Древняя керамика // Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. С. 19.

гончарных изделий во времени и связал каждое стилистическое изменение в керамике с изменением культуры людей. Составленная Киддером схема до сих пор используется археологами для приблизительной датировки керамики в районе Нью-Мексико²⁹.

До появления абсолютных методов датирования (начиная с радиоуглеродной техники Уилларда Либби в 1946 году) первостепенное значение керамики для западной археологии заключалось в том, чтобы датировать культуру, в контексте которой эта керамика была найдена, на основе установленных последовательностей изменений формы и оформления сосудов.

Одна из форм подобного датирования была разработана Флиндерсом Петри во время его работы над захоронениями в верхнем Египте в конце девятнадцатого века. Именно он, одним из первых, если не самый первый, обратил пристальное внимание на неорнаментированную или слабо орнаментированную керамику. По мнению Петри не только богато декорированные сосуды, датировки по которым разрабатывали Гергард и Фуртвенглер, являются ценными, но и «простая» посуда, если обратить внимание на ее форму, степень обжига, способ изготовления.

И все же нельзя не вспомнить один случай, который в целом характеризует тенденции данного периода: «В 1935 году он [Петри] написал сэру Мортимеру Уилеру (ему была доверена работа над коллекцией), требуя гарантии того, что когда дубликаты будут отсеяны, особенно в керамике, серия будет такой же неприкосновенной, как любая серия типа «Естественная история». Керамику он рассматривал лишь как пример каждого типа в установленных им сериях. Дубликаты же не несли ничего ценного и, следовательно, могли быть отсечены»³⁰. Несмотря на интерес Петри к неорнаментированным сосудам, керамика все еще представлялась исследователем тем материалом, познавательная ценность которого заключалась лишь в возможности культурно-хронологической атрибуции.

Вероятно, первым ученым начавшим исследовать керамику детально, во всех ее аспектах, можно назвать Анну Шепард, чьи труды стали основой направления керамической петрографии — лабораторной научной археологической техники, исследующей минералогический и микроструктурный состав керамики и других неорганических материалов под поляризованным световым микроскопом, чтобы интерпретировать аспекты происхождения и технологии артефактов.

²⁹ Willey G. R. Alfred Vincent Kidder // Biographical Memoirs of the National Academy of Sciences. 1967. Т. 39. С. 296–308.

³⁰ Williams E. Pots, Pans, and People: Ceramic Ecology in West Mexico // Papers from the Institute of Archaeology. 1992. Т. 3. С. 44.

Работу по изучению древней керамики А. Шепард начала еще в 30-е гг. в Соединенных Штатах, определяя происхождение окрашенных сосудов из раскопов на юго-западе страны.

В 1954 году в свет вышла книга «Керамика для археологов», ставшая квинтэссенцией всех научных трудов А. Шепард, изданных ею ранее. Книга завоевала популярность среди археологов различных стран, и выдержала множество переизданий, в том числе с дополнениями и комментариями автора. Метод исследования керамики, предложенный исследовательницей и получивший название «петрография», представлял собой подход, в значительной степени зависящий от геологических принципов оптической минералогии, тонкослойной петрографии и микроморфологии почв. Он сочетал их с оценкой ремесла керамического производства и позволял интерпретировать данные в рамках археологической науки. Керамическая петрография использовалась в академических археологических исследованиях для решения ряда задач, общей целью которых являлось отслеживание движения керамики по торговым путям посредством определения ее происхождения. В качестве синтетических материалов керамика, по мнению авторов подобных исследований, является чувствительным индикатором принятия решений людьми и взаимодействия материалов. Потому, изучая микроструктурные данные для процессов, таких как приготовление глины, формование и обжиг, керамические петрографы имели возможность восстанавливать шаги, связанные с производством керамических артефактов.

Возникнув на американском юго-западе с работой А. Шепард, керамическая петрография в дальнейшем получила свое развитие в Старом Свете в 60-80е. гг. XX века. Самые ранние из исследований включают работу Дэвида Пиккока и его учеников в Великобритании.

Керамическая петрографии, а также ряд новых направлений исследования, таких как археометрия и этноархеология, разработавших новые методики для работы с первобытной керамикой, получили активное развитие во второй половине 20 века.

В одном из поздних изданий своей книги А. Шепард писала: «Много изменений в керамических исследованиях произошло с тех пор, как «Керамика для археологов» была написана в 1954 году. Физики внедрили чувствительные и быстрые методы композиционного анализа, наличие компьютеров придало статистическим исследованиям большой импульс, возобновился интерес к природным ресурсам гончара, классификация керамики начала разрабатываться с новым энтузиазмом, с разными направлениями в разных регионах, этнологи заинтересовались местом керамики в жизни людей; и археологу, в свою очередь, было предложено подумать о культурном значении глиняной

посуды, а не довольствоваться ее использованием только для относительного датирования»³¹.

Первой абсолютной методикой датирования, применяемой к керамике, была термолюминесценция, которая разрабатывалась физиками, работающими совместно с археологами примерно с 1960 года. Еще одной физической методикой датирования, стала археомагнитная датировка³².

Важным этапом для развития исследования керамики явилось утверждение такого направления как этноархеология, основные принципы которого были сформулированы для англоязычной археологии Л.Бинфордом. Идеи такого подхода хорошо иллюстрируются Дж.Фостером в работах, вышедших на протяжении 1960-х гг., в которых автор рассуждает о социальной позиции гончара в традиционных обществах, учитывая его экономический статус, а также статус самой работы. Значительное внимание в этих работах ученый уделяет исследованию рисков производства, и тому, как они влияют на консерватизм гончара в практике его ремесла.

Дж. Фостер обобщает факторы, влияющие на «динамику керамики»: инновации, стабилизация и исчезновение определенных стилей и методов. Его аргументы полностью проиллюстрированы этнографическими данными, а также его собственным обширным опытом в Мексике. Однако, как отмечает А. Шепард, недостаток этого метода заключается в том, что археологи не могут проводить прямые аналогии с данными этнографических исследований, потому что ограничены зависимостью от материальных останков, а социальные и экономические условия современных и доисторических гончаров — это не то же самое³³.

«В некотором роде расширение этнографии и наблюдение за современной керамикой — один из конкретных подходов к изучению древней керамики — это использование экспериментальной реконструкции для проверки гипотез производства и использования и повышения осведомленности о конкретных аспектах производства и использования керамики. Этот подход использовался во многих областях древних технологий, но в течение некоторого времени его особенно активно применяют в керамических исследованиях, что дало достойные результаты», — отмечает доктор

³¹ Shepard A. O. *Ceramics for the Archaeologist*. Washington, DC : Carnegie Institution of Washington, 1985. №. 609. С. 4.

³² Griffiths D. The role of interdisciplinary science in the study of ancient pottery // *Interdisciplinary science reviews*. 1999. Т. 24. №. 4. С. 291.

³³ Shepard A. O. *Ceramics for the Archaeologist*. Washington, DC : Carnegie Institution of Washington, 1985. №. 609. С. 15-16.

археологических наук Дж. Гриффитс³⁴.

С 60-х гг. и до настоящего времени одним из самых крупных направлений по изучению археологии является «керамическая экология», основные положения которой были сформулированы в 1961 году Мэтсоном. По его мнению, тремя основными элементами керамического технологического исследования является: физический, биологический и культурный. Только в рамках данного подхода по мнению некоторых ученых возможно комплексное изучение керамики³⁵.

В области этноархеологии и керамической экологии наиболее концептуальный взгляд на недавние исследования в области керамики представлен Арнольдом, который также изучает отношения между гончарами, керамической продукцией, окружающей средой и культурой, а также Ренфрю и Баном, представляющими обобщающие сведения в контексте всей археологии³⁶.

Что касается керамической петрографии, в настоящий момент этот метод получил широкое распространение при изучении древней керамики в Англии, а также активно используется в доисторическом Эгейском море³⁷. В США подход менее популярен, хотя в области количественной петрографии были сделаны важные вклады³⁸. Другие попытки расширить керамическую петрографию на нынешнем этапе включают использование автоматизированного анализа изображений, палеонтологический анализ микроскопических окаменелостей в керамических тонких срезах и комбинированную статистическую классификацию петрографических и химических данных из артефактов.

Научные статьи по керамической петрографии публикуются в таких журналах, как «Archaeometry», «Journal of Archaeological Science» и «Geoarchaeology». Петрографические исследования часто представлены на Международном симпозиуме по археометрии (International Symposium on Archaeometry), Европейской встрече по древней керамике (European Meeting on Ancient Ceramics) и встречах Керамической

³⁴ Griffiths D. The role of interdisciplinary science in the study of ancient pottery // *Interdisciplinary science reviews*. – 1999. – Т. 24. – №. 4. С. 295.

³⁵ Shepard A. O. *Ceramics for the Archaeologist*. – Washington, DC : Carnegie Institution of Washington, 1985. – №. 609. С. 13-14.

³⁶ Griffiths D. The role of interdisciplinary science in the study of ancient pottery // *Interdisciplinary science reviews*. – 1999. – Т. 24. – №. 4. – С. 292.

³⁷ Morris, E. and Woodward, A. Ceramic Petrology and Prehistoric Pottery in the UK // *Proceedings of the Prehistoric Society*. – 2003. – Т. 69. С. 279–303.

³⁸ Miksa E. J., Heidke J. M. It all comes out in the wash: Actualistic petrofacies modeling of temper provenance, Tonto Basin, Arizona, USA // *Geoarchaeology: An International Journal*. – 2001. – Т. 16. – №. 2. – С. 177–222.

Петрологической Группы (Ceramic Petrology Group).

Таким образом, развитие интереса к первобытной гончарству в Западной науке в общих чертах можно представить, воспользовавшись классификацией К. Ортона³⁹, который разделяет историю развития исследования керамики на три фазы:

1. «Фаза исторического искусства», рамки которой определяются ученым условно в промежутке с 1500 по 1880 год. На данном этапе людей, занимающихся сбором и коллекционированием древностей, а позже и самих археологов, керамические горшки интересовали в целом, как произведения искусства, при этом познавательные функции керамики считались несущественными.

2. «Фаза типологического интереса» с 1880 по 1960 год, которую характеризует интерес к датирующей функции археологической керамики.

3. «Фаза контекстуального интереса», учитывающая все аспекты от микроструктуры до морфологии сосудов, — современная фаза науки, делящаяся с конца 1960-х годов по сей день.

1.3 Проблемы изучения керамических комплексов Урала и Зауралья

Становление методики и методологии работы с керамикой в Западно-Сибирском регионе происходило, как уже было сказано ранее, под влиянием общемировых тенденций. В данном параграфе мы не станем проследивать подробно путь накопления источников, чтобы не повторять идеи, обозначенные выше, а постараемся вместо этого представить историю изучения керамики в обозначенном рамками исследования регионе через призму концепций исследователей, касающихся интерпретации местной неолитической керамики.

Со второй половины XX в. и по сей день, керамика неолитических комплексов на территории Урала и Зауралья является важнейшим источником для построений местной периодизации. История решения данной проблемы начинается с выхода в свет работ археолога В. Н. Чернецова, посвященных первобытной истории названного региона.

В 1923 году в составе геодезической экспедиции исследователь оказался на Северном Урале, где и определился дальнейший круг его интересов — история, этнография и археология. Особое значение для формирования археологического интереса у В.Н. Чернецова также сыграла Ямальская экспедиция 1928–1929 гг., организованная

³⁹ Griffiths D. The role of interdisciplinary science in the study of ancient pottery // *Interdisciplinary science reviews*. 1999. Т. 24. №. 4. С. 289-290.

Уральским комитетом Севера для обследования населения и хозяйства тайги и тундры. Во время экспедиции Чернецовым были проведены раскопки и сборы на р. Пяседай, мысу Хаэн-Сале и Тиулей-Сале и была поставлена задача сравнить современную культуру ямальских ненцев с культурой древних жителей полуострова. В 1933–1935 гг. В.Н. Чернецов проводит разведки в Нижнем Приобье по левому берегу р. Северной Сосьвы между селом Сартынья и устьем р. Сартынья, и в окрестностях села Саранпаул на р. Ляпин⁴⁰.

В 60-е гг. В. Н. Чернецов предлагает на основе типологии материалов лесного и лесостепного Зауралья периодизацию местного неолита, ключевую роль в которой играют особенности керамических комплексов. Концепция о трехчленном делении неолита Зауралья и севера Западной Сибири В. Н. Чернецова выглядела следующим образом:

1. козловская фаза (4000-3300 л. до н.э.);
2. юрьинско-горбуновская фаза (3300-2700 л. до н.э.);
3. честыйягская (гребенчатая) фаза (2700-2200 л. до н.э.)⁴¹.

Немного позднее эту схему уточнил О. Н. Бадер. Ученый выделил в неолите региона четыре последовательных этапа развития: козловский, полуденский, сосновоостровский, хронологически соответствующие трем фазам, предложенным Чернецовым, и липчинский (энеолитический, 2200-1800 л. до н.э.)⁴². Название юрьинско-горбуновской фазы О. Н. Бадер заменил на полуденскую стадию по наиболее изученному для развитого неолита памятнику – Полуденка I, а честыйягской – на сосновоостровскую по стоянке Сосновый острог. Если говорить о позиции исследователя относительно происхождения неолита, его корни О.Н. Бадер видел в местной мезолитической культуре, которая, однако, подверглась влиянию южных соседей.⁴³

В 1980м году новый взгляд на интерпретацию и типологию неолитической керамики Зауралья и севера Западной Сибири предложил В. Ф. Старков. Его трехэтапная схема развития восточноуральского неолита предполагает деление на ранний, развитый и поздний неолит. Ранний неолит региона характеризуют, по мнению ученого, сосуды закрытой формы с наплывом на внешний край венчика и волнисто-накольчатый

⁴⁰ Китова Л. Ю., Чиндина Л. А. В. Н. Чернецов: путь в науку и методолого-методическое наследие // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. №4 (42). С. 5–11.

⁴¹ Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита. История археология и этнография Средней Азии. М: Наука, 1968. С.41–53.

⁴² Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970, С. 162.

⁴³ Указ. соч., С. 159.

орнаментом. В развитом неолите получают распространение сосуды полуяйцевидной формы с наплывом на внутренний край венчика и волнисто-гребенчатым орнаментом. Керамика позднего неолита представлена полуяйцевидными формами сосудов с отсутствием наплывов на внутренней стороне венчика и гребенчатой орнаментацией. Появление поздненеолитических комплексов (Чес-тый-яг, Сортинья, Буграсян-вад) на Приполярном Зауралье Старков связывал с первой волной проникновения населения Зауралья на север. Вторая волна, по мнению ученого, состоялась в эпохе энеолита, к ней приурочено появления стоянок на Сахалинском полуострове (Салехардская стоянка)⁴⁴.

Открытие новых памятников (Кошкино 5) и проведение крупных стационарных работ на уже известных, но практически не исследованных ранее (Чес-тый-яг), поставило под вопрос утвердившиеся к началу 80-х гг. концепции смены орнаментальных типов. Встреченные поначалу в небольшом числе, преимущественно в зоне лесостепья, кошкинские и боборыкинские древности становились известны на широкой территории Урала и прилегающих районов. На керамике памятника Чес-тый-яг, которую В. Н. Чернецов, а вслед за ним ряд других ученых, отнес к гребенчатой традиции, подавляющее большинство сосудов оказалось декорировано в волнисто-прочерченной технике.

После открытия новых материалов, иную хронологическую схему предложил М. Ф. Косарев. Поздний неолит он разделил на три культурно-орнаментальных области: гребенчатую, гребенчато-ямочную и автохтонную – отступающе-накольчатую. По мнению исследователя все три области возникли после распада некогда единого для Западной Сибири культурного субстрата с накольчато-отступающей традицией, существование которого, по крайней мере, пришлось на момент раннего неолита. Таким образом, к периоду позднего неолита М. Ф. Косарев относил два характерных для Урала и Зауралья орнаментальных типа: кошкинский (отступающе-накольчатый) и сосновоостровский (гребенчатый).

В конце 80-х гг. В. Т. Ковалевой был поставлен вопрос о двух различных, существовавших параллельно друг другу, культурных традициях: автохтонной – козловская группа, полуденковская культура – и традиции с участием южного импульса, представленной кошкинской группой, боборыкинской культурой. При этом кошкинские древности, по мнению В. Т. Ковалевой, генетически и типологически были близки боборыкинским и являлись более ранними по отношению к последним⁴⁵.

⁴⁴ Старков В. Ф. Хронология неолита лесного Зауралья // КСИА АН СССР. М., 1978. №. 153. С.93.

⁴⁵ Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. К вопросу о происхождении боборыкинской культуры // ВАП. Тюмень, 1976. С.21–29.

Что касается комплексов с гребенчатой (сосновоостровской) орнаментацией, В. Т. Ковалева обращала внимание на их близость с комплексами аятского типа (энеолит). Потому, по мнению исследовательницы, в дальнейшем целесообразно было рассматривать комплексы с гребенчатой орнаментацией совместно с энеолитическими комплексами Зауралья⁴⁶.

Иной точки зрения относительно возраста гребенчатых комплексов придерживалась Л. Я. Крижевская. Под ее руководством исследовались раннеэнеолитические памятники бассейна р. Конда (Сумпаньинские стоянки IV и VI), на керамике которых был обнаружен орнамент «шагающая гребенка», который к тому моменту было принято считать маркером позднеэнеолитического возраста. Однако раннеэнеолитическое время существования Сумпаньинских стоянок было подтверждено радиуглеродными датами и не вызывало сомнений. Потому Л.Я. Крижевская правомерно предположила, что гребенчатая орнаментальная традиция проходит через все этапы уральского неолита⁴⁷.

Систематизируя весь накопленный к 1990 году материал, Л.Я. Крижевская предложила следующую схему развития неолита Зауралья и сопредельных территорий:

1. Ранний неолит – памятники типа Евстюнихи с чистым комплексом накольчато-прочерченной керамики и памятники типа Сумпаньи с накольчатой и гребенчатой керамикой (V-IV тыс. до н.э.).
2. Развитый неолит (полуденский этап) – совместное залегание гребенчатой и накольчато-прочерченной керамики – широко распространенный признак для неолита, характеризующий памятники от Южного до Северного Зауралья (начало – вторая половина IV тыс. до н.э.).
3. Поздний неолит – памятники сосновоостровского типа с гребенчатой керамикой и кошкинского типа с накольчато-прочерченной (вторая половина IV – начало/середина III тыс. до н.э.).

В традициях Приполярного Урала Л. Я. Крижевская выделила отдельную – сумпаньинскую (прочерченно-накольчатую) – культуру, отметив при этом общие тенденции развития Северного и Южного Зауралья.

⁴⁶ Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. С. 14.

⁴⁷ Крижевская Л. Я. 40 лет изучения каменного века на Урале: Итоги и перспективы // СА. 1990. № 2. С.8

Таким образом, Л. Я. Крижевская установила существование двух параллельных линий развития в раннем и позднем неолите Зауралья, однако, для развитого неолита такая схема, по мнению исследовательницы, оставалась неясной⁴⁸.

Схожих взглядов придерживается и Ж. В. Марченко. Анализ открытых сравнительно недавно памятников Сопка-2 и Протока, по мнению ученого, позволяют сделать вывод о синхронном существовании как минимум двух орнаментальных керамических традиций – гребенчато-ямочной и отступающе-накольчатой уже в конце 6 – начале 5 тыс. до н. э. «Гребенчато-ямочная орнаментальная традиция не является следствием развития зауральского прочерченного или прочерчено-накольчатого орнамента, она самостоятельна» – утверждает Ж. В. Марченко⁴⁹.

На сегодняшний день наиболее популярными являются две полярные точки зрения на периодизацию неолита лесной, лесостепной и таежной зон Западной Сибири и на соотношение орнаментальных традиций местной керамики. Одну из них представляет В.Т. Ковалева, другую – В. А. Зах.

Мнение В.Т. Ковалевой о двухстадийной периодизации неолита, сложившаяся на момент 80-х гг., уже была представлена нами выше, однако в последних своих работах она пересматривает некоторые из предположений под влиянием новых открытий. Так, В. Т. Ковалева ставит гипотезу о том, что кошкинские и боборыкинские памятники (ранее ею предполагалась, что боборыкинские памятники продолжают развитие кошкинских) отражают два разновременных или, возможно, параллельных потока миграции юго-западного населения Европы.

Прочерчено-волнистая керамика поселения ЮАО-XV, по мнению В. Т. Ковалевой, заставляет вернуться к мнению В. Н. Чернецова об участии в сложении уральского неолита кельтеминарской культуры. Типологическое сходство раннекельтеминарской посуды особенно заметно по сравнению с сосудами кокшарово-юрьинского типа. Таким образом, исследовательница предполагает, что на местный неолит оказало влияние два миграционных потока: первый и, по всей вероятности, наиболее ранний – с юга, и второй – с юго-запада (орловская культура). При этом ставится вопрос о хронологическом приоритете козловской культуры над кошкинской⁵⁰.

⁴⁸ Крижевская Л. Я. 40 лет изучения каменного века на Урале: Итоги и перспективы // СА. 1990. № 2. С.12.

⁴⁹ Марченко Ж.В. К проблеме появления керамики в Западной Сибири (хронологический и теоретический аспекты) // Вестник НГУ. 2006. Т.5. Вып. 3. С. 48.

⁵⁰ Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // Вопросы археологии Урала. Вып. 25. 2008. С. 42.

В. А. Зах критикует гипотезу В. Т. Ковалевой о двух волнах миграции⁵¹. По мнению ученого гребенчатая орнаментальная традиция зарождается на территории Зауралья одновременно с появлением боборыкинских комплексов. В начале атлантического периода голоцена из Северного Прикаспия и с сопредельных с ним территорий Средней Азии в таежные зоны по восточным склонам Урала проникают носители отступающе-прочерченной традиции. Местное население перенимая у мигрантов навыки производства керамики, вырабатывает свою, совершенно иную, орнаментальную традицию. Так формируются автохтонные гребенчатые и гребенчато-ямочные комплексы.

Типологическая эволюция орнаментальных стилей неолита по Заху, таким образом, представляет собой следующую картину: боборыкинско-кошкинские (отступающе-прочерченные), кокуйские (отступающе-гребенчато-ямочные), сосновоостровские (гребенчатые) комплексы⁵².

Что касается таежной зоны Западной Сибири, здесь к настоящему времени в ранге археологических культур выступают пока только сумпаньинские памятники бассейна Конды и быстринские Сургутского Приобья. В Нижнем Приобье неолит, по мнению исследователей, представлен всего двумя достоверно выявленными культурными типами – честыйягским и амнинским.

По мнению Л. Л. Косинской типолого-хронологическое соотношение культур для данного региона выглядит следующим образом: наиболее древние памятники севера Западной Сибири имеют в составе плоскодонную керамику и относятся к амнинскому и каюковскому типам, а также, возможно, к «добыстринским» комплексам Сургутского Приобья. За ними следуют комплексы сумпаньинской культуры. К следующему хронологическому горизонту относятся быстринская археологическая культура и поселение Чес-тый-яг⁵³.

Однако автор указывает на слабую изученность региона (ни один поселенческий комплекс не был раскопан полностью), а также на недостаток и при этом большой разброс уже имеющихся радиоуглеродных датировок. Потому, по мнению, Л. Л. Косинской культурогенез северных районов Западной Сибири находится пока лишь в начальной стадии изучения, а сравнение керамики таежных районов с керамикой более южных (подтаежных и лесостепных зон) является перспективным.

⁵¹ Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.06. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии РАН, 2006. С. 15

⁵² Указ. соч.

⁵³ Косинская Л. Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 22

По мнению Т. Н. Собольниковой, из-за немногочисленности в таежной зоне Западной Сибири комплексов с прочерченно-волнистой керамикой (честыйягский, сумпаньинские, козловские, барсовские), даже несмотря на отдельные их сходства, они не могут быть связаны с одной определенной культурной традицией. Исследовательница считает, что волнисто-прочерченные комплексы типа Чес-тый-яг, Чилимка V и др. представляют собой один из этапов мощного переселенческого движения южного населения⁵⁴.

Автор данной работы придерживается мнения Т. Н. Собольниковой о мозаичности культур таежной и лесной зоны Западной Сибири. Особенно характерно это проявляться для комплексов Приполярного Урала. Нам представляется убедительным факт влияния на складывание неолита как Северного, так и Южного Зауралья миграционного потока с территорий Южного Приаралья (кельтеминарская культура), однако пути взаимодействия пришлого населения с населением Урала, а также наличие двух волн миграции нуждается, по нашему мнению, в дальнейшем исследовании и уточнении.

Подводя итог историографическому обзору изучения керамических комплексов Урала и Зауралья, нельзя не сказать и о гносеологической стороне исследования керамики обозначенного региона. На материалах керамических комплексов обозначенного региона формировались и совершенствовались новые методики исследования: трасологии, количественного анализа, компьютерного моделирования керамики, а также углубленных методов типологии. Изучение неолитических комплексов уральского и зауральского региона, таким образом, внесло весомый вклад в развитие общероссийской методики и методологии работы с археологической керамикой.

⁵⁴ Собошникова Т. Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита-ранней бронзы : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.06. [Электронный ресурс] Барнаул, 1999. URL: <http://cheloveknauka.com/goncharnye-traditsii-nizoviy-kondy-v-epohu-neolita-ranney-bronzy> (дата обращения 02.05.19).

Глава 2 Техничко-технологические и морфолого-декоративные особенности керамического комплекса Чес-тый-яг

2.1 Техничко-технологические основы гончарного производства

Природно-географические условия региона в период неолита. Первоначальное освоение различных видов исходного сырья гончарами было обусловлено, прежде всего, природно-географическими особенностями среды обитания древнего человека и характером его хозяйственной деятельности, потому в начале данной главы автор считает необходимым сделать некоторые выводы относительно этих особенностей, а также рассмотреть характер сырьевой базы региона.

Около 10,3 тыс. лет назад произошел резкий перелом в развитии природных условий Северного полушария. Он ознаменовался окончательным стаиванием покровных ледников почти со всех территорий северного полушария, всеобщим потеплением и снижением континентальности климата, вызвавшим расцвет лесов. Наступил постледниковый этап развития Земли — голоцен.

Голоцен характеризуется чередованием теплых и холодных, сухих и влажных отрезков времени, длительность которых колеблется от нескольких сотен до первых тысяч лет. Периоды голоцена, как правило, объединяют в себе несколько таких циклов. В теплые отрезки времени ландшафты суши заметно отличаются от современных. В частности, резко сокращаются площади тундры, которая замещается лесотундрой и северной тайгой.

После похолодания конца бореала, около 7,9 тыс. л. н. синхронно во всем северном полушарии произошло резкое потепление и увеличение увлажненности: начался атлантический период — период климатического оптимума голоцена⁵⁵.

Именно на этот — атлантический период — приходится время существования культур неолита в Западной Сибири, охватывающее период с VII по начало III тыс. до н.э.

Исследуемый нами памятник, как уже было отмечено ранее, располагается в 2,5 км от современного русла реки Ляпин — левого притока Северной Сосьвы. Еще Е. С. Федоровым было высказано мнение о том, что возраст пород, слагающих берега Северной

⁵⁵ Историческое землеведение (Палеогеография): учебное пособие для студентов географических факультетов педагогических вузов // А. В. Чернов; Моск. гор. пед. ун-т. Москва: МГПУ, 2004. С. 102—109.

Сосьвы в устье Ляпина относятся к третичному периоду⁵⁶, что в дальнейшем находит подтверждение в поздних работах исследователей⁵⁷. Третичный возраст этих пород свидетельствует о том, что к моменту создания поселения Чес-тый-яг рельеф местности представлял собой практически ту же самую картину, какую мы можем наблюдать в настоящее время: в голоцене рельеф на территории Сосьвинского Приобья в общем также был плоским, слаборасчлененным, современные болотные массивы по очертаниям в основном повторяют древнюю озерно-речную сеть, а в периоды наибольших изменений климата и смещения природных зон ландшафты все же оставались таежными⁵⁸.

По наблюдениям С. Г. Боча исследуемый нами памятник «находится в отдалении от современного русла Ляпина и в стороне от его старицы, среди болот. [...] Поселения на Чёстуй-яг, очевидно, относятся к предшествующему моменту, когда Ляпин протекал по древнему руслу на месте старицы, а все болотистое пространство вокруг стоянки представляло озеро, типа озер-соров, широко развитых и теперь в области нижнего течения р. Ляпина»⁵⁹.

Геологические исследования Е.С. Федорова, Д. И. Иловайского, С. Г. Боча, Н. А. Караваевой позволяют сделать выводы о характеристике почв и глин, служащих источником сырья для производства керамики древним мастерам поселения.

Наибольшим распространением в пределах края пользуется основная морена, представленная серым плотным валунным суглинком, содержащим остроугольные валуны кристаллических уральских пород и линзы грубого песка. Помимо валунного суглинка присутствует более песчанистая морена, представленная валунным песком и супесью. Подобные отложения в Ляпинском крае, как правило, занимают наиболее возвышенные части материков. Кроме того, в пределах Березовского района нередко обнаруживаются опоки и опокovidные глины, по нижнему течению Малой Сосьвы встречена плотная серо-синяя тонкослоистая плиточная глина, выше которой, как

⁵⁶ Федоров Е. С. Геологические исследования в Северном Урале в 1884–1886 гг. Горн. журн., 1889, Т. II; 1890. С.1–65; Федоров Е.С. Геологические исследования в Северном Урале в 1887-1889 гг. // Горн. журнал, 1896. Т. IV. С. 51-69; Т. V. С. 188–249; Т. VI. С. 321–364; Т. VI. С. 52–98.

⁵⁷ Боч С. Г. Материалы к четвертичной геологии Ляпинского, Нижнесосвинского и Кондинского края Западно-Сибирской низменности // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. М. 1937. Т. 5. С. 103–104.

⁵⁸ Караваева Н. А. Почвы тайги Западной Сибири. М.: Наука, 1973. С. 44

⁵⁹ Боч С. Г. Стоянки в бассейнах Северной Сосьвы и Конды // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1937. Т. 5. С. 162.

правило, залегают кварцевые пески. Для мест пониженных и речных долин характерны безвалунные, аллювиально-озерные слоистые пески, с прослоями суглинков и гальки, образующих в Ляпинском крае надпойменную террасу. Здесь же большого развития достигают современные озерно-аллювиальные (отложения соров) и аллювиальные отложения, слагающие первую надпойменную террасу и пойму реки.

Литологическая характеристика для нижнего и верхнего течения Ляпина непостоянна: она варьируется от отложений соров, преимущественно песков, илистых суглинков и супеси до косослоистых песков и галечника.

Образцы валунчиков, отобранных для анализа в разных точках края, описаны А. Н. Алешковым как гранит, кварцевый диорит, слюдяной сланец с гранатом, кварц, кварцит, кристаллические сланцы, филлит, роговик, кварцевая галька и др.⁶⁰.

Техника и технология изготовления керамики. Для статистического анализа было отобрано несколько сотен фрагментов, принадлежащих 301 сосуду разной степени сохранности: одни сосуды представлены целыми емкостями с небольшими сколами, другие были отобраны нами по венчикам. Жилище № 3 представлено 77 сосудами, № 4 – 21-м, № 5 – 93-мя, № 8 – 108-ю, при этом стоит отметить, что коллекция, относящаяся к жилищу №8, хранится в музее Ханты-Мансийского автономного округа, поэтому автор данной работы использовал для анализа копию описи коллекции, предоставленную автором раскопок Е. А. Васильевым.

Стоит отметить, что все раскопанные жилища, вероятно, относились к одному поселку и сгорели во время пожара. В пользу одновременности построек говорит идентичный характер прогорания и консервации обугленных деревянных конструкций, который, по всей видимости, зависел от кратковременных, действовавших во время пожара факторов. Синхронности жилищ не противоречит и вещественный материал, тем более что в закрытых комплексах землянок № 3 и №4 обнаружены фрагменты, принадлежащие одному сосуду. Поэтому керамический комплекс поселения мы рассматриваем как одновременной.

Технологический анализ керамики поселения Чес-тый-яг проводился нами в рамках историко-культурного подхода⁶¹. Согласно данному подходу гончарство можно представить в виде трех обязательных стадий: подготовительной, созидательной и закрепительной. Каждая стадия содержит в себе несколько ступеней, следуя которым, гончар превращает исходное сырье в законченный и готовый для использования продукт –

⁶⁰ Боч С. Г. Стоянки в бассейнах Северной Сосьвы и Конды // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1937. Т. 5. С. 103-109.

⁶¹ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. С. 14.

сосуд. В соответствии с определенными для данной работы задачами были предприняты попытки последовательной реконструкции технологических ступеней.

Стадия 1: Подготовительная. Включает в себя 4 ступени: *отбор, добычу и обработку исходного сырья, составление формовочных масс.*

Прежде чем перейти непосредственно к описанию данной стадии, раскроем понятие «исходное сырье». Исходное сырье – природные и искусственно приготовленные материалы, которые используются в гончарном производстве для составления формовочной массы будущего изделия и его последующего декорирования⁶². Другими словами, исходное сырье включает все те вещества и материалы, из которых готовится специальная формовочная масса, служащая непосредственным материалом для изготовления сосуда.

По мнению большинства исследователей, занимающихся изучением древней керамики, реконструировать первые, подготовительные ступени, гончарного производства не представляется возможным в полной мере, однако, судя по тем реликтам, которые сохранились в более поздних материалах по гончарству, а также по аналогиям с данными этнографии, допустимо делать некоторые предположения.

Исходным сырьем для изготовления честыйягской керамики, по всей вероятности, служили аллювиальные глины, содержащие естественные примеси микрочастиц слюды. В пользу предположения о естественности слюды в формовочной массе говорит сам характер частиц – это очень мелкие, часто почти пылевидные фракции, распределенные равномерно и в одинаковом количестве встречающиеся во всех исследованных нами сосудах: 100% фрагментов керамики, участвовавших в статистическом анализе, содержали в себе данную минеральную примесь. Это подтверждается и характеристикой сырьевой базы, приведенной нами ранее.

Керамические черепки тонкослоисты, что характерно для формовочных масс из глин с дисперсной фракцией без грубых непластических включений. Часто такая глина богата органическими остатками естественного происхождения, что, вероятно, и обеспечивает ее слоистость⁶³. Толщина черепков составляет в среднем 5-6 см.

Помимо микрочастиц слюды в разных процентных соотношениях в тесте керамики были обнаружены: шамот, дресва, речная галька, зерна кварца, охра и песок. Ниже

⁶² Цетлин Ю. Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. С. 52.

⁶³ Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. [Электронный ресурс] // Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. URL: <https://arheologija.ru/glushkov-keramika-kak-istoricheskiy-istochnik/> (дата обращения: 27.04.19).

приведена Таблица 1, в которой наглядно представлены количественные данные о примесях для сосудов каждого из жилищ.

Таблица 1 – Примеси⁶⁴

Жилище; количество сосудов	Примеси					
	Слюда	Шамот	Охра	Песок	Дресва	Кварцевая галька (крупные окатанные фракции)
№ 3; 77	77/100%*	67/87%	17/22%	3/4%	7/9%	13/17%
№ 4; 21	21/100%	19/90,5%	5/24%	—	1/4,8%	2/9,5%
№ 5; 93	93/100%	87/93,5%	16/17%	—	1/1%	—
№ 8; 108	108/100%	108/100%	12/11%	11/10%	4/3,7%	—

*Примечание: *Количество фрагментов/процент от общего числа фрагментов.*

В керамике, принадлежащей жилищу № 8, как мы можем видеть в Таблице 1, также выявлены частые (относительно керамики прочих жилищ) включения мелкозернистого песка, что может говорить как о специальном способе подготовки исходного сырья, так и о еще одном источнике глины.

Добыча песка и каменистых пород, судя по данным этнографии, происходила в большинстве случаев открытым способом в ямах глубиной 1-2м, расположенных вблизи поселения. Материалы для изготовления шамота по своей сути являющиеся отходами хозяйственной деятельности человека, концентрировались в тех местах на поселениях, где эта деятельность протекала. Для добычи таких видов сырья могли использоваться по разным данным лопаты, мешки, корзины и т.п., а сама работа включала сбор необходимого сырья в специальные емкости, где оно хранилось до того момента, пока не включалось в последующие этапы производственного процесса.⁶⁵

Для реконструкции ступени обработки исходного сырья мы не располагаем в настоящее время достаточными данными, и можем лишь предполагать, основываясь на аналогиях с более поздними гончарными традициями северных районов, что исходное сырье подвергалось «вымораживанию» или «выбиванию», что обеспечивало разрушение слоистой структуры глины и служило повышению ее гомогенности. После этого глина

⁶⁴ Составлена автором на основе статистического анализа коллекции археологического фонда МАЭС ТГУ № 7540.

⁶⁵ Цетлин Ю. Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. С. 59.

могла вновь замачиваться водой, а затем переминаясь до однородности, при этом происходило также механическое удаление из нее грубых естественных включений⁶⁶.

Говоря о следующей ступени – подготовке формовочной массы – остановимся подробнее на включении в тесто будущего сосуда такой примеси как шамот. Для керамики Чес-тый-яга, как можно увидеть в Таблице 1, это является наиболее распространенным искусственным компонентом формовочной массы. Следует уточнить, что под шамотом применительно к древнему гончарству мы имеем в виду продукт дробления черепков от вышедших из употребления глиняных сосудов.

Размерность фракций шамота в проанализированных нами фрагментах различна. По всей вероятности, вводя в тесто будущего изделия данную примесь, древние мастера поселения решали сразу несколько технологических задач.

Мелкие фракции шамота (1-2мм) в формовочной массе играли роль отощителя: уменьшали пластичность и увеличивали влагопроводность, обеспечивая тем самым уменьшение влагосодержания. Кроме того, наличие шамота в тесте обеспечивало незначительную воздушную усадку и играло роль скелета в пластическом материале⁶⁷.

Добавка в глиняное тесто крупнозернистого шамота (< 2мм) в небольших количествах связана, вероятно, с усилением термостойкости сосудов — способностью не растрескиваться при резких температурных изменениях. Г. Зальманг отмечает по результатам экспериментальной практики: «В случае применения шамота одной только величины прочность массы в воздушно-сухом состоянии возрастала с увеличением фактора поверхности. В смесях зерен различной размерности зависимость оказывалась более сложной: в случаях преобладания крупных зерен прочность в воздушно-сухом состоянии возрастала с увеличением фактора поверхности, в случае же преобладания мелкого зерна — наоборот понижалась»⁶⁸.

Крупные фракция песка (< 0,25мм), обнаруженные в некоторых фрагментах, в малом количестве играли такую же роль как и шамот — увеличивали термостойкость.⁶⁹

Использование другого компонента формовочной массы — охры, среди исследователей древней керамики считается спорным: одни видят в ней естественную

⁶⁶ Цетлин Ю. Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. С. 62.

⁶⁷ Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. [Электронный ресурс] // Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. URL: <https://arheologija.ru/glushkov-keramika-kak-istoricheskiy-istochnik/> (дата обращения: 28.04.19).

⁶⁸ Указ соч.

⁶⁹ Там же.

примесь, формирующуюся в процессе обжига сильно ожелезненных глин (глин, в составе которых имеется бурый железняк), другие – рассматривают охру как искусственную примесь вводимую древними гончарами сознательно.

В отношении честыйягской керамики автор данной работы придерживается последней позиции. Преобладание остроугольных частиц пигментированной породы, крупных фракций – над мелкими, а также относительное меньшинство сосудов, содержащих данную примесь по отношению к сосудам без нее, свидетельствует в пользу того, что охра вводилась в состав формовочной массы намеренно.

Использование охры отмечено на поселение не только в гончарной традиции, плотным слоем цветного пигмента покрывались также пол и нары жилища.

Стадия 2: Созидательная. На данной стадии происходило непосредственно само создание тела будущего изделия: от выбора начина до обработки поверхности сосуда перед последующими закрепительными ступенями. Созидательная стадия, таким образом, включает в себя четыре последовательных ступени: *изготовление начина, изготовление полого тела, придание сосуду формы, механическая обработка поверхности.*

Прежде, чем перейти к описанию данной стадии, необходимо привести разработанную нами **классификацию сосудов** поселения Чес-тый-яг, за основу которой была положена особая форма изделий. Необходимость ее приведения в данном разделе главы объясняется тем, что выбор программы формовки различен для обоих выделенных нами классов емкостей. Все сосуды поселения можно разделить на два класса: стандартные и нестандартные емкости [См. ПРИЛОЖЕНИЕ Б, Рис. 1-7].

В классе стандартных сосудов яйцевидные емкости представляют собой отдельную группу. По оформлению венчика группа подразделяется на два типа: сосуды с прямым обрезом венчика и сосуды с седловидным обрезом венчика. Разница между диаметром венчика и наибольшим диаметром тулова служит критерием для отнесения сосудов к подтипу закрытых или открытых емкостей. Вариант определяется наличием или отсутствием декоративных элементов и включает в себя следующие категории: сосуды с выступом-налепом, сосуды с выемкой, сосуды без дополнительных декоративных элементов.

В классе нестандартной глиняной выделены две группы: ладьевидные сосуды и чаши. Группа ладьевидных сосудов по оформлению носовой и кормовой частей подразделяется на два типа: изделия с овальным устьем и изделия с овально-приостренным устьем. Форма венчика служит критерием для отнесения емкости к подтипу открытых или закрытых емкостей. Варианты определяются наличием или отсутствием скульптурных элементов (орнито- или зооморфных образов) и включает в

себя следующие категории: сосуды с выступом-налепом, сосуды с выемкой, сосуды без дополнительных декоративных элементов⁷⁰. Отметим, что предложенная схема соотносится с классификацией ладьевидных сосудов раннего бронзового века, разработанной Е. А. Васильевым⁷¹. Для группы сосудов, обозначенной нами как чаши дальнейшая классификация затруднительна по причине малочисленности сосудов данной группы. Чаши представлены всего тремя образцами и представляют собой, судя по всему, невысокие емкости открытой формы с округлым донцем.

Таблица 2 – Классификация сосудов памятника Чес-тый-яг⁷²

Класс:						
Стандартные			Нестандартные			
Группа:						
Яйцевидные 256/85%*			Ладьевидные 42/14%			Чаши 3/1%
Тип:						
С седловидным обрезом венчика 156		С прямым обрезом венчика 100		С овально- приостренным устьем 8		С овальным устьем 12
Подтип:						
Открытые 10		Закрытые 246		Открытые 42		Закрытые —
Вариант:						
С выступом- налепом 26	С выемкой 1	Без дополнительных элементов 229		С выступом- налепом 5	С выемкой 1	Без дополнительных элементов 14

*Примечание: *Количество сосудов/процент от общего количества сосудов.*

Количественное соотношение сосудов в рамках разработанной нами классификации показано выше в Таблице 2. Стоит отметить, что в таблице на уровне типа, подтипа и варианта указаны лишь те сосуды, которые реконструируются достаточно и

⁷⁰ Квасница Ю.К. Ладьевидные сосуды эпохи неолита в Западной Сибири [Электронный ресурс] // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XLII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 7(42). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/7\(42\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/7(42).pdf) (дата обращения: 09.05.2019)

⁷¹ Васильев Е. А. Ладьевидные сосуды эпохи ранней бронзы из Нижнего Приобья // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск. 1984. Т. 127. С. 5-17.

⁷² Составлена автором на основе статистического анализа коллекции археологического фонда МАЭС ТГУ № 7540.

могут с абсолютной уверенностью быть отнесены к той или иной категории. Это значит, что часть емкостей отраженных количественно на уровне класса/группы в силу своей фрагментарности не могли быть классифицированы подробнее и далее в таблице нами не учитывались.

Отдельно стоит отметить сосуд, не вошедший в классификацию в виду оригинального, единично встреченного в исследованных жилищах, строения. Судя по обнаруженным фрагментам, нестандартная керамическая емкость имела квадратное устье, углы которого отмечались редуцированными налепами.

Теперь, исходя из представленной нами классификации, рассмотрим способы формовки сосудов отдельно для каждой из указанных групп. На отдельных фрагментах честыйягской керамики хорошо фиксируются сколы по технологическим швам, что позволяет довольно точно реконструировать данную стадию производства.

Яйцевидные сосуды малых размеров (диаметр 5-6см) изготавливались из цельной порции формовочной массы путем выдавливания по донно-емкостной программе. Из комка теста мастер формировал донце сосуда, а затем стенки будущего изделия, вероятно, вместе с тем придавая ему законченную – яйцевидную, форму. Об использовании именно такой последовательности действий говорит значительно большая толщина донца и стенок сосуда в нижней части тулова по отношению к стенкам, приближающимся к венчику. Вероятно, по такому же принципу были изготовлены все три обнаруженные на памятнике чаши.

Яйцевидные сосуды больших размеров изготавливались из лент шириной 2,5-3см, наслаивающихся друг на друга. На некоторых сосудах удалось зафиксировать угол наслаивания – он равен примерно 45°. При этом могла использоваться как емкостно-донная, так и донно-емкостная программа. Судя по тому, что с внутренней стороны характерное для яйцевидных сосудов заостренное донце чаще всего было сглажено, такая форма ему придавалась с помощью воздействия на внешнюю поверхность сосуда, а не на внутреннюю.

Иначе формировались ладьевидные сосуды. Благодаря сохранившемуся фрагментам в нашем распоряжении имеется два варианта донца таких сосудов – плоское и округлое. Донце изготавливалось из цельной «лепешки», которой придавалась необходимая продолговатая форма, а затем, путем ленточного либо лоскутного налеха формировались стенки изделия.

Отдельного внимания заслуживают формы закраин венчиков. Корреляции между формой закраины и формой сосуда в ходе статистического анализа нами установлено не было, потому для большего удобства приведем эти данные в сводной Таблице 3.

Таблица 3 – Форма среза венчиков⁷³

Жилище; венчики сосудов	Форма среза венчика				
					
№3; 77	16/20,8%*	1/1,3%	17/22	42/54,6%	1/1,3%
№4; 21	3/14,4%	–	5/23,8%	8/38%	5/23,8%
№5; 93	19/20,5%	–	26/28%	41/44%	7/7,5%
№8; 108	1/0,9%	–	93/86,1%	12/11,1%	2/1,9%

*Примечание: *Количество фрагментов/процент от общего количества фрагментов.*

На четвертой и последней ступени изготовительной стадии технологического процесса древними гончарами решалась проблема механической обработки поверхности сосуда.

Мастера поселения обрабатывали яйцевидные сосуды следующим образом: для 80,7% сосудов зафиксирована поверхностная обмазка с последующей затиркой, для 13,7% – поверхностная обмазка с последующим заглаживанием, для 5,6% поверхностная обмазка с последующем лощением внешней поверхности сосуда.

Стоит отметить, что на некоторых сосудах сохранились характерные рельефно-выраженные следы заглаживания твердым предметом, предположительно галькой. Такие следы фиксируются по всей внешней поверхности неорнаментированных сосудов, направление следов, как правило, горизонтальное – вдоль оси вращения сосуда, либо слегка наклонное. Наиболее часто подобный прием обнаруживается на сосудах с прямым обрезом венчика.

Для ладьевидных сосудов процентное соотношение способов механической обработки выглядит следующим образом: затирка по влажной поверхности отмечена в 70% случаев, в 10% – отмечены следы заглаживания, лощением обработано 20% сосудов.

Помимо механических способов обработки в данной ступени необходимо также затронуть тему окрашивания сосудов охрой, хоть этот процесс условно можно отнести и к следующему параграфу главы.

Вопрос о намеренности окрашивания честыйгской керамики не вызывает сомнения: на сосудах поселения, как правило, окрашена именно та поверхность, которая обращена к потребителю – внешняя для яйцевидных (закрытых) сосудов и внутренняя для ладьевидных сосудов и чаш.

⁷³ Составлена автором на основе статистического анализа коллекции археологического фонда МАЭС ТГУ № 7540.

Е.Н. Дубовцева, проводившая подробные исследования использования охры древним населением Западной Сибири и Урала, пришла к выводам о том, что при изготовлении честыягской керамики в еще влажную поверхность сосуда охра втиралась в сухом или, что более вероятно, влажном виде⁷⁴. В пользу этого вывода говорит то, что поверхность окрашенных сосудов неоднородна по цветности и насыщенности, что характерно для окрашенных охрами сосудов, которые в дальнейшем проходят тепловую обработку.

Практически все ладьевидные сосуды, на которых были отмечены следы окрашивания – тщательно залощены, часто окрашивание перекрывается слоем нагара. Для яйцевидных сосудов сочетание втирания охры с лощением встречается гораздо реже. Возможно, такие сосуды могли быть окрашены и на более поздних стадиях производства.

2.2 Декоративные особенности керамического комплекса

Искусствовед Г. А. Недошвин дал емкое определение понятию «орнамент» – это «узор, состоящий из ритмически упорядоченных элементов, ...связанный с поверхностью, которую он украшает и зрительно организует, как правило, выявляя или акцентируя архитектуру предмета»⁷⁵.

Орнамент не влияет на функциональные качества сосуда, а значит, нанесение на емкость «изображений» является целенаправленным действием гончара по приданию поверхности сосуда особого облика. В рамках историко-культурного подхода принято делить все изображения на четыре класса.

Изображения 1-го класса представляют собой изменение всего облика сосуда, придание ему однородности. На честыягской керамики к этому классу изображений могут быть отнесены следы рельефно-выраженного заглаживания на яйцевидных сосудах, а также окрашивание красновато-малиновой охрой и последующее лощение неорнаментированных ладьевидных и яйцевидных сосудов [См. ПРИЛОЖЕНИЕ Б, Рис. 8, 9]. Такие «изображения» нелокализованны, однородны и формируют общий облик сосуда.

К изображениям 2-го класса принято относить различные неутилитарные налесты, единичные вдавления, клейма и т.д. То, что Ю. Б. Цетлин называет «знаками» на

⁷⁴ Дубовцева Е. Н. Использование охры в керамическом производстве севера Западной Сибири // Самарский научный вестник. 2015. №4 (13). С. 44-47.

⁷⁵ Недошвин Г. А. Орнамент [Электронный ресурс] // БСЭ. М: Советская энциклопедия, 1978. URL: http://www.endic.ru/enc_sovet/Ornament-44413.html (дата обращения: 20.05.2019).

поверхности сосуда⁷⁶. К 3-му классу относят «усложненные знаки» – в отличие от предыдущего класса изображений, такие изображения имеют развитую структуру, они стилизованы и порой даже реалистичны. Такие изображения Ю. Б. Цетлин предлагает называть «символическими изображениями», отмечая при этом, что разницу между «знаками» и «символами» чаще всего провести сложно, и главная разница тут заключается в определении значимости изображаемого⁷⁷.

Автор данной работы затрудняется в отнесение декоративных налестов на честыгской посуде к одному из двух названных классов, так как нет абсолютной уверенности в значимости этих налестов для древних гончаров поселения. Однако, тут стоит отметить, что некоторые исследователи Урала и Зауралья, считают подобные налесты на раннеолитических сосудах Кокшаровского и Махтыльского холмов зооморфными и орнитоморфными изображениями⁷⁸. Кроме того, на честыгских сосудах налесты часто отмечены единичными «знаками» в виде единичной насечки или оттиска штампа и всегда декорированы, что позволяет с большой долей условности отнести такие «изобразительные» элементы к классу «усложненных знаков».

Изображения 4-го класса характеризуются многократной повторяемостью, структурностью и ритмичностью. Именно эти изображения и могут быть названы нами орнаментом в том смысле, в каком описывал его Г. А. Недошвин.

Культурная традиция декорирования посуды, включающая изображения всех 4-х названных нами классов, представляет собой технику и технологию создания декора, стилистику декора и его связь с формой сосуда, а также семантику декора (т.е. хозяйственно-бытовую, этническую, социальную и мировоззренческую функции, которую этот декор исполнял в обществе⁷⁹). В данном параграфе постараемся проследить декоративные особенности честыгского комплекса.

Но, прежде стоит отметить, что декор, особенно на уровне композиции, для честыгских сосудов неодинаков, потому автор работы считает целесообразным

⁷⁶ Цетлин Ю. Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. С.168.

⁷⁷ Указ. соч. С.169.

⁷⁸ Ковалева В. Т., Арефьев В. А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. 1993. С. 107.

⁷⁹ Цетлин Ю. Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2012. С.170.

рассматривать отдельно посуду каждой группы, обозначенных нами в предыдущем параграфе главы.

Для стандартных яйцевидных сосудов с прямым обрезом венчика наиболее часты мотивы горизонтальных/волнистых линий, выполненных прочерчиванием палочкой или двузубым штампом, горизонтальные линии ямок-наколов или наклонных оттисков зубчатого штампа, выполненных в технике штампования. Композиция представляет собой горизонтальные (зачастую одинарные) зоны прочерченных волнистых или прямых линий иногда дополненных сверху ямками-наколами каплевидной (редко круглой) формы. Закраина венчика и край могли, кроме того, орнаментироваться наклонными оттисками зубчатого штампа, реже – наклонными насечками.

Техника прочерчивания палочкой обнаружена на 62% сосудах данной группы, печать зубчатым штампом – на 57%, накалывание встречено в 25% случаев, гребенчатый штамп – всего в 5%. Стоит отметить, что оттисками зубчатого штампа декорировались, как правило, только закраина и край венчика, тогда как узоры, выполненные в технике накалывания и прочерчивания покрывают тулово сосуда.

В данной группе выявлено 10 неорнаментированных сосудов, часть сосудов орнаментирована только по закраине венчика. Декор венчика представляет собой наклонные или разнонаклонные отпечатки зубчатого штампа, насечки, наколы.

Стандартные сосуды с седловидным обрезом венчика имеют в 23% случаев более сложную композицию [См. ПРИЛОЖЕНИЕ Б, Рис. 10, 11]. Это объясняется двумя – горизонтальной и вертикальной – зонами нанесения орнамента, связанными, по-видимому, со специфической формой обреза венчика, а также наличием на некоторых сосудах данного типа керамики дополнительных декоративных элементов – выступов-налепов и выемок.

Условно-горизонтальная зона, как правило, орнаментирована слабоволнистыми и/или волнистыми линиями, иногда дополненными вдоль закраины венчика горизонтальным рядом наколов/отпечатков зубчатого штампа. Условно-вертикальная зона представлена вертикальными и наклонными волнистыми/слабоволнистыми линиями, исходящими от высшей точки диаметра либо от выступа/выемки.

Техника прочерчивания палочкой обнаружена на 85% сосудах данной группы, печать зубчатым штампом – на 66%, накалывание встречено в 38% случаев, гребенчатый штамп – всего в 6%. Сосудов без орнамента – 4.

Декор ладьевидных сосудов также обуславливался их особой – открытой формой. Практически все орнаментированные сосуды данной группы декорировались не только с внешней, но и с внутренней стороны. Для сосудов имеющих единую – горизонтальную –

зону, орнамент на внешней стороне представлял собой линии, вытянутые вдоль боковых частей ладьи. Орнамент на внутренней стороне, как правило, был нанесен сообразно форме ладьи и представлял собой волнистые или слабоволнистые линии, исходящие из носовой части ладьи и смыкающиеся – в кормовой. В полизональных композициях орнамент организовывался по тому же принципу, что и на седловидных сосудах – по вертикальной и горизонтальной зонам.

Закраина и край венчика сосудов данной группы украшались наклонными насечками/отпечатками зубчатого штампа, в единичных случаях – ямками-наколами. При этом край венчика мог декорироваться как с внешней, так и с внутренней стороны изделия.

Техника прочерчивания палочкой обнаружена на 93% сосудов данной группы, печать зубчатым штампом – на 76%, накалывание встречено в 31% случаев. Не орнаментированный сосуд представлен единичной емкостью.

Поскольку чаши представлены всего тремя образцами, мы опишем отдельно каждую из них. Две чаши найдены при выборе заполнения котлована жилища №3. На первой чаше по закраине венчика – разнонаклонные насечки, образующие ромбическую сетку. Орнамент представлен рядом наклонных отпечатков зубчатого штампа, расположенных вдоль края венчика, ниже – зигзагообразными следами каплевидных наколов. Орнамент второй чаши составляют насечки вдоль края венчика и прерывистая зигзагообразная линия, расположенная ниже. Третья чаша, найденная на нарах, имеет выемку, орнаментированную, как и закраина венчика наклонными насечками. Композиция данной чаши полизональна. Она представлена условно-вертикальной частью, содержащей наклонные отрезки, исходящие от выемки. Условно-горизонтальная состоит из горизонтальных линий в сочетании с зигзагами, выполненными наколами широкой палочки.

Отдельно стоит сказать и о единичной емкости с квадратным устьем, углы которого отмечены редуцированными налепами. По всей вероятности, подобная форма определяла структуру орнамента. Край и закраина венчика, выделенные рядом полукруглых наколов, декорированы наклонными отпечатками зубчатых штампов. Основная композиция, выполненная прочерченной палочкой, состоит из нескольких (четырёх?) зон. Вертикально ориентированная зона имеет форму треугольника, вершина которого обозначена редуцированным налепом. Внутри этого пространства веерообразно расположены слабоволнистые отрезки, усиленные вертикалью из полукруглых наколов лопаточки. Справа и слева размещены относительно симметричные зоны горизонтальных волнистых линий, так же подчеркнутые наколами лопаточки.

Обобщим вышесказанное, перечислив пять иерархических уровней⁸⁰, которые возможно выделить в структуре чистыягской орнаментальной традиции.

Первый структурный уровень представлен гладкими, накольчатыми, ямчатыми и гребенчатыми **элементами**. Гребенчатые элементы представлены оттисками зубчатых и непосредственно гребенчатых орнаментиров. Первые – имели естественное происхождение. На неолитической керамике Урала и Приуралья известны зубчатые следы грызунов и хищников – куницы, лисы, бобра и зайца, а также челюстей рыб и остистых отростков их позвонков⁸¹. Естественные зубчатые орнаменты характеризуются тем, что зубцы в одном оттиске различаются по форме и размеру, некоторые, в силу особенности орнамента, пропечатываются лучше, другие – хуже.

Кроме того для чистыягской керамики характерно использование двузубого орнамента. Такой орнамент при декорировании керамики поселения применялся зачастую в технике протаскивания, образуя характерные линии с краями разной по интенсивности пропечатанности [См. ПРИЛОЖЕНИЕ Б, Рис. 12, 13].

Искусственные гребенчатые орнаменты, вероятно изготавливались из кости, так как самые ранние каменные инструменты, известные на территории Урала и Зауралья на сегодняшний день, относятся к эпохе энеолита и довольно редки. Для таежной зоны Западной Сибири это вполне объяснимо почвенными условиями⁸².

Гладкие, накольчатые и ямчатые элементы выполнялись различной формы стержнями, представленными палочками и узкими лопаточками. На керамике поселения встречены следы палочки/лопаточки с расщепленным и размочаленным краем, что указывает на использование в качестве орнамента деревянной щепы. По мнению Е. Н. Дубовцевой, применение необработанной щепы в орнаментации является редкостью для неолитических комплексов Западной Сибири и Урала⁸³.

Следующий структурный уровень – **узоры** – представлен наклонным рядом зубчатого штампа, наклонным рядом насечек, разнонаклонными взаимопересекающимися оттисками зубчатого штампа. Третий уровень – **мотивы** – как уже было отмечено ранее, в некоторых группах чистыягских сосудах представлен не только в горизонтальной, но и

⁸⁰ Цетлин Ю. Б. Древняя керамика: Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. С. 198.

⁸¹ Дубовцева Е. Н. Орнаментальные традиции Урало-западносибирского региона (опыт экспериментального моделирования) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №. 4 (23). С. 57.

⁸² Указ. соч. С. 57.

⁸³ Там же. С. 54.

вертикальной зональности. Наиболее часто встречающийся мотив – одинарные, двойные и тройные волнистые/слабоволнистые линии, ряд наклонных вправо оттисков зубчатого штампа/насечек, ряд наклонных влево оттисков зубчатого штампа/насечек, ряд наколов. Менее распространённым мотивом является ряд ямочных вдавлений. Еще реже встречены мотивы ромба/треугольника, зигзага, ромбической сетки.

Следующим уровнем орнаментальной стилистики является орнаментальный «образ». Образ включает сочетание двух-трех соседних мотивов орнамента. На чесыгской керамике данный структурный уровень наиболее часто представлен сочетанием ряда наклонных вправо или влево оттисков зубчатого штампа и одинарной волнистой/слабоволнистой линией. Простые образы из элементов орнамента организованы как симметрично, так и ассиметрично.

На последнем уровне – **композиции** – мы не станем останавливаться подробнее, так как основные положения о нем уже были сформулированы нами ранее.

Подводя итоги технико-технологическому и морфолого-декоративному анализу керамического комплекса поселения Чес-тый-яг, можно сказать следующее: сосуды комплекса представлены четырьмя группами: яйцевидными емкостями закрытой формы с седловидным обрезом венчика, яйцевидными емкостями с закрытой (реже открытой) формой и прямым обрезом венчика, ладьевидными емкостями открытой формы и чашами.

Сосуды с толщиной стенки в среднем 5-6 см изготавливались из тонкослоистой глины с естественной примесью слюды и искусственными добавками в виде шамота, охры, песка, дресвы, (кварцевой?) гальки. Венчики преимущественно уплощенные либо скошенные внутрь. Сосуды орнаментированы в основном в прочерченной и накольчатой технике, по закраине венчика – печатью зубчатым штампом.

Для яйцевидных сосудов с седловидным обрезом венчика характерен более сложный орнамент, чем для сосудов с прямым обрезом венчика, что обуславливается наличием на первых полизональных композиций, связанных, по всей видимости, с оригинальной формой и дополнительными декоративными элементами в виде выступов-налепов и выемок. При том, на одном из сосудов с прямым обрезом венчика также обнаружен налест, однако, он не повлиял на композицию орнамента. Композиция ладьевидных сосудов представлена как моно- так и полизональностью. Зачастую такие емкости декорировались с двух сторон.

Обработка поверхности сосудов чаще всего представлена обмазкой влажной глиной с последующей затиркой, реже встречены приемы рельефно-выраженного заглаживания (характерен для группы яйцевидных сосудов с прямым обрезом венчика и неорнаментированным туловом) и лощения. Для ладьевидных емкостей прием лощения

почти всегда был связан также с окрашиванием поверхности красновато-малиновой охрой.

Жители поселения, вероятно, относились к сосудам не слишком бережно: только на 22 сосудах (7,3%) встречены следы ремонта в виде конических сверлин. Однако использование вышедших из употребления сосудов в виде шамота говорит о сознательном подходе древних мастеров к расходуемым ресурсам, по крайней мере, на функциональном уровне.

Глава 3 К вопросу о культурно-генетических связях населения памятника Чес-тый-яг

3.1 Культурная специфика древнего населения памятника Чес-тый-яг

Ранее нами отмечалось, что место волнисто-прочерченных и смешанных – прочерчено-накольчатых – комплексов, по-прежнему остается в археологии Урала и Зауралья дискуссионным. Потому данную главу считаем целесообразным посвятить попытке ответить на некоторые из вопросов о культурно-генетических связях населения памятника Чес-тый-яг.

Поиск аналогий, как можно убедиться из истории изучения неолитической керамики таежной зоны Западной Сибири, не всегда отвечает на поставленные вопросы. Возможно, попытка взглянуть шире на историко-культурный процесс в первобытности, обозначить концептуальную основу понимания истории и функционирования общества позволила бы разрешить некоторые вопросы, на которые не способны пролить свет традиционные подходы. С этой целью В. Т. Ковалева предложила на примере керамики боборыкинских комплексов обратиться к гончарной традиции как к маркеру этнокультурной специфики. «У разных этнических групп формируется особая технология изготовления глиняной посуды и техника (приемы) орнаментации. Признаками этнического своеобразия выступают также форма вещи и знаковая система», – пишет исследовательница⁸⁴. Стоит отметить, что мы не ставим перед собой задачу определить этническую принадлежность «честыйягцев», однако попытаемся выявить их культурную специфику.

Керамика до сих пор является одним из важнейших источников выявления культурной специфики археологической культуры. Ее источниковедческие возможности не исчерпываются лишь возможностью типологизации. На древних сосудах как на лакмусовой бумажке проявляются следы смешения гончарной традиции, изменения специфики хозяйственной деятельности ее производителей и потребителей, их семейно-брачных отношений и мировоззрения.

Любые предметы древнего искусства, под которыми условно можно понимать и глиняные сосуды, являются памятниками материальной культуры но, вместе с тем, – как

⁸⁴ Ковалева В. Т. Проблема этнокультурной специфики населения боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 27.

любые художественные произведения, — отражают мировоззрение и духовную составляющую своих создателей, являются носителями идеологической информации. Однако археологические предметы вырваны из контекста живого обряда, потому семантика таких предметов нам практически недоступна. Для случаев, когда мы имеем дело с «мертвой» культурой, Е. В. Антоновой и Д. С. Раевским была предложена следующая схема интерпретации археологических предметов: анализ ряда подобных предметов и создание их общей характеристики, что, по сути, является воспроизведением бытовавшего в культуре стереотипа. Реконструкция стереотипа, в свою очередь, приближает нас к воссозданию стоящего за ним мифологического образа, дальнейшее осмысление которого авторы методики предлагают проводить с использованием мифологических универсумов⁸⁵.

Однако даже в этом случае мы не можем говорить о реконструкции мифологических представлений древнего населения. Все, что нам доступно — возможность вычленить некоторые принципы мировосприятия носителей изучаемой культуры. В соответствии с положениями, представленными выше, в первом параграфе настоящей главы на основе анализа и классификации керамического комплекса Чес-тый-яг постараемся описать некоторые культурные особенности древнего населения памятника.

Прежде всего, обратимся к формам сосудов. Используя представленную нами ранее классификации, рассмотрим отдельно группы яйцевидных и ладьевидных емкостей.

Яйцевидная форма сосудов, регулярная организация орнамента и ограниченный выбор мотивов для их орнаментации широко распространены среди культур неолита Восточной Европы и сохраняется на протяжении всей эпохи. Наличие сосудов одинаковых форм на столь обширной территории позволяет согласиться с мнением исследователей, которые предполагают существование у древних гончаров идеи формы — мыслительного шаблона (образца, стандарта), в соответствии с которым и производилась формовка изделий⁸⁶.

По мнению А. К. Байбурина, для экстравертных культур с присваивающим типом хозяйствования формирование шаблона обуславливалось восприятием природных, естественных форм, а гончарная технология входила в общую космогоническую схему по

⁸⁵ Волокитина Н. А. Акварнитоморфные изображения в контексте мировоззрения древнего населения Европейского Северо-Востока // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. №. 4-2. С. 38.

⁸⁶ Ковалева В. Т. Проблема этнокультурной специфики населения боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. 2011. С. 27.

символическому созданию Вселенной⁸⁷. Если согласиться с утверждением исследователя, то можно предположить, что яйцевидная форма сосуда восходит к древним космогоническим представлениям о происхождении мира из яйца⁸⁸.

Нестандартные – ладьевидные – сосуды также заслуживают отдельного внимания. Семантика их образа, на наш взгляд, лежит на поверхности, в самой форме емкости, напоминающей лодку, ладью, и может быть связана с представлениями древнего населения памятника о структуре Вселенной (мифологический универсум – Мировая река).

Интересной выглядит и конструктивная особенность чистыягских сосудов в виде редуцированных налечей, встреченных на емкостях обоих классов. В. И. Мошинская, исследуя схожие, но более стилизованные налечы на ранненеолитических сосудах, установила их «зооморфный» характер, а также предположила, что эти «изображения» играли роль апотрофеев или меток, указателей состава пищи (рыбной или мясной), так как у некоторых народов Сибири существовал запрет на употребление мяса и рыбы из одной посуды⁸⁹. Развивая идеи В. И. Мошинской, на основе керамики памятника Полуденка I и сосудов ранненеолитического слоя Кокшаровского и Махтылинского холмов, В. Т. Ковалева высказала предположение о том, что такая традиция для культур Зауралья является автохтонной и связана с охотничьим, присваивающим типом хозяйствования местного населения. Кроме того, исследовательница обратила внимание на то, что подавляющее большинство сосудов с зооморфными налечами относятся к комплексам с прочерченной и накольчато-прочерченной керамикой и датируются ранненеолитическим временем. Редуцированные же налечы, встреченные на более поздних памятниках следует считать угасанием традиции или единичными случаями заимствования⁹⁰.

Об особом значении зооморфных символов для населения памятника может говорить и факт использования для орнаментации закраины и края венчика зубчатых орнаментов, о естественном происхождении которых нами было сказано в предыдущей главе. Использование в качестве орнамента остистых отростков позвонков, а также

⁸⁷ Байбурин А. К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Л., 1981. С. 221.

⁸⁸ Ковалева В. Т. Проблема этнокультурной специфики населения боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала. – 2011. Вып. 26. С. 27.

⁸⁹ Мошинская В. И. О Зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой (К вопросу о древних контактах в уральской среде) // Проблемы археологии и древней истории ургов. М.: Наука, 1972. С. 56-65.

⁹⁰ Ковалева В. Т., Арефьев В. А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1993. Вып. 21. С. 107-119.

челюстей рыб и мелких животных, демонстрирует значимую роль этих созданий, как минимум, в хозяйственной сфере общества. Однако, с большой долей условности, мы можем предполагать, что декорирование зубчатыми и гребенчатыми орнаментами выполнялось намеренно, в подражание реальным прототипам отпечатков зубов рыб и мелких животных. Графическая фиксация определенных понятий у охотников и рыболовов таежной зоны, таким образом, могла отражать комплекс отношений «человек – животное».

Не менее интересен для нас орнамент как «сообщение знаков, развернутое в пространстве»⁹¹. Орнамент, своего рода, графически зафиксированные символы и идеи, реконструкция которых, как мы говорили ранее, весьма затруднительна, но отчасти все же возможна.

Для керамических сосудов Чес-тый-яга одним из самых распространенных мотивов является мотив горизонтальных волнистых линий. Поскольку ранее нами было установлено особое значение ладьевидных сосудов – образ мировой реки, – а также подражание в орнаментации следам челюстей рыб, на наш взгляд, возможно достоверно связать данный мотив с темой воды. Многорядовые волнистые линии могли изображать колеблющуюся водную (речную?) поверхность. Вероятно, к идее воды можно отнести и каплевидной формы наколы, а также зигзаг. Так, на неолитической керамике Ближнего Востока, Передней Азии, Юго-Восточной Европы горизонтальным зигзагом обозначали воду (но не дождь)⁹². На чес-тыягской посуде зигзаг чаще всего встречен по закраине венчика и, по всей вероятности, символизировал небесную влагу.

Не менее важен нам и ритм орнамента. По мнению В. М. Приваловой, «ритм не только связан с человеком, который реализует свои устремления, но ритм все охватывает и культурными конвенциями, предоставляя человеку различные шансы по синхронизации, если не на бесконечность индивидуального жизненного пути, то на события каждого нового, следующего дня, которые отличаются от событий дня предшествующего»⁹³. Ритму подчиняются события как социальные, так и природные. Такой – природный – цикл еще в архаичных культурах находил свое отображение в календарных изображениях. В комплексе Чес-тый-яга найден сосуд со сложной, возможно идеографической

⁹¹ Привалова В. М. Семантика орнамента в семиотике культуры (антропологическая проекция ритуала в геометрическом орнаменте) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. № 5-1. С. 315.

⁹² Ковалева В. Т. Проблема этнокультурной специфики населения боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала. 2011. Вып. 26. С. 33.

⁹³ Привалова В. М. Ритм орнамента как проекция мироздания в семантике знаков и символов // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. №2-1. С. 237.

композицией, выделяющейся из прочих материалов. Верхняя часть сосуда украшена разнонаклонными парными волнистыми линиями, образующими ромбы, а нижняя – исходящими из центра дна сосуда ромбами, выполненными пунктирными линиями. На сосуде присутствуют отдельные насечки – вероятно изображения 2го класса в классификации историко-культурного подхода, «знаки» на поверхности сосуда. Орнаментальное поле четко поделено на равные доли, однако количество таких «знаков» не одинаково для каждой из долей. В хозяйственной жизни населения, основой экономической деятельности которого является рыболовство, природные циклы, безусловно, представляли большое значение. О доминантном характере рыболовства в хозяйстве обитателей Чес-тый-яга говорит и большой размер жилищ и самого поселка (по сравнению с усредненным размером по региону)⁹⁴.

Линейность орнамента также включает в себе идею движения. Плавность, отсутствие напряженности в ритме жизни выражается в значительном преобладании волнистого мотива над «ломанным» зигзагообразным⁹⁵.

Значение символов, заключенных в определенной гончарной традиции, как мы выяснили, способно пролить свет на некоторые вопросы мировосприятия древнего человека. Идеи и символы в культурной традиции складываются под влиянием многих факторов. Разгадав идею, мы можем попытаться осмыслить то, что послужило основой для ее появления. В контексте определения культурно-генетических связей населения Чес-тый-яга это позволяет нам раскрыть некоторые особенности жизнедеятельности древнего населения памятника.

Большое значение воды в символике Чес-тый-яга может быть вполне объяснимо природно-климатическими условиями региона. Безусловно, реки и озера являлись важнейшими компонентами хозяйственной жизни древнего населения Нижнего Приобья, и, по всей вероятности, значимость этого ресурса древнее население выражало через подобные – водные – образы.

По всему комплексу признаков население памятника не имело (или утратило) глубоких связей с раннеземледельческими культурами Центральной Азии (джейтунская, гиссарская, а также оседлыми культурами юга Туркмении), так как нами не найдено символов, указывающих на производящий тип хозяйствования. Это подтверждается и отсутствием находок, которые могли бы свидетельствовать о подобном типе хозяйства.

⁹⁴ Бобров В. В. Тенденции развития орнамента и ритмы жизни (размышляя о первобытном искусстве. . .) // Вестник КемГУ. 2015. №1-3 (61). С. 8.

⁹⁵ Зах В. А. Орнаментальные традиции в Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. №. 6. С. 124.

3.2 Культурно-генетические связи населения памятника Чес-тый-яг

После проведения технико-технологического и морфолого-декоративного анализа керамического комплекса, а также выявления культурных особенностей жителей древнего поселения, была поставлена задача выявить культурно-генетические связи памятника Чес-тый-яг, место которого, как было сказано неоднократно, в Уральском и Зауральском неолите не определено. Попыткам ответить на вопрос о происхождение данного поселения и будет посвящен второй, заключительный, параграф настоящей главы.

В начале данной работы нами уже была затронута тема сложности формирования местных неолитических культур. Для того чтобы ответить на некоторые вопросы, касающиеся памятника Чес-тый-яг, попробуем доказать (или опровергнуть) одну из двух спорящих между собой гипотез.

По мнению сторонников первой – «миграционной» – гипотезы, появление керамики и долгосрочных укрепленных поселений в западно-сибирской лесостепи и тайге являлось результатом быстрых прямых и неоднократных миграций неолитического населения Передней Азии, Юго-Восточной Европы, Прикаспия и Приаралья. Миграции земледельческих обществ на север стало возможны благодаря потеплению в конце бореального – начале атлантического периода голоцена. В среднюю и северную тайгу южное население проникало по разветвленной речной сети Обского бассейна, а на р. Конду – из Среднего Приуралья. При этом, как было отмечено в первой главе, сложилось две ветви развития местного неолита. К таким, «пришлым» культурам, по мнению В. Т. Ковалевой, относятся носители боборыкинской культуры, насыщенной раннеземледельческими символами и находящей аналогии на Кавказе и Ближнем Востоке, а также носители кошкинской культурной традиции, находящей аналогии с джанбасской и орловской культурами Нижнего Поволжья.

Согласно второй – «автохтонно-миграционной» – гипотезе, формирование неолита на юге указанного регионе происходило на местной основе при участии мигрантов с юга и развивалось в условиях постоянных тесных связей с неолитическими обществами Приаралья, Прикаспия, Алтая и других южных регионов. Позже, привыкшее к местным условиям отчасти утратившее прежние культурные традиции, население южного Зауралья продвигалось на север Западной Сибири, осваивая таежные зоны. При этом, по мнению В. А. Борзунова, «в процессе освоения северных районов Евразии формировались торгово-обменные пути и информационные коридоры, позволяющие некоторым новшествам юга

проникать в тайгу без обязательного притока степного земледельческо-скотоводческого населения»⁹⁶.

Основываясь на положениях данных гипотез, постараемся выяснить, являлось ли население Чес-тый-яга мигрантами, преодолевшими за относительно короткий срок большой путь от южных территорий до территории Приполярного Урала, или же населением, постепенно ассимилировавшимся на юге Зауралья и позже потесненным на северные земли.

В рамках историко-культурного подхода гончарную традицию принято интерпретировать как деятельность, имеющую системный и организованный характер. Приобретенные на эмпирической основе, навыки гончара трансформировались с устойчивые технологические традиции, которые охватывали все ступени производственного процесса. Закрепление такой традиции происходило не за одно поколение, следовательно, и любые изменения, прежде чем прочно войти в гончарную традицию, поначалу испытывались и проявлялись неравномерно⁹⁷. Это дает нам основание говорить о том, что по изменению гончарной традиции мы можем отследить изменения, протекавшие в обществе носителей данной традиции.

Одним из факторов, влияющих на изменение технологии гончарного производства, является переселение гончара на новое место. Во-первых, ему необходимо приспособиться к местным условиям – глинам и примесям, при этом он постарается воспроизвести насколько это возможно привычный рецепт формовочной массы⁹⁸. На этом уровне маркирующим фактором изменения гончарной технологии применительно к керамике памятника Чес-тый-яг могло служить добавление в состав теста дресвы и песка, что зафиксировано лишь для небольшого числа сосудов. Дресва – продукт измельчения минерального сырья, – для данного региона не является привычной примесью, так как таежная зона Западной Сибири не богата минеральными породами. Исключением является полуденская традиция. Так, на памятнике Канда, расположенном в бассейне р.

⁹⁶ Борзунов В. А. Неолитические укрепления и их прототипы таежного Приобья и Зауралья // ВИАЭ. 2012. №4 (19). С. 8.

⁹⁷ Цетлин Ю. Б. Древняя керамика // Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. С. 127-128.

⁹⁸ Указ. соч.

Конды, типичный состав формовочной массы представлен сочетанием: песок + шамот + дресва⁹⁹.

Помимо составляющих формовочной массы, процесс изменения гончарной традиции фиксируется по изменению морфологии сосуда. Керамическая посуда, как любой продукт, направленный на потребителя, должен, в первую очередь, соответствовать запросам этого потребителя. Наличие на памятнике большого числа ладьевидных сосудов говорит о том, что такая посуда имела спрос и еще не подверглась существенному влиянию соседних культурных традиций, согласно результатам картографирования, практически не имеющих емкостей данного типа. В пределах Среднего Зауралья фрагмент сосуда ладьевидной формы обнаружен в материалах памятника «святилище Кокшаровский холм — Юрьинское поселение», который А. Ф. Шорин и А. А. Шорина относят к кошкинской культурной традиции, обращая внимание на совпадение характерной для данной традиции орнаментальной схемы и орнаментальной схемы обнаруженного фрагмента¹⁰⁰. Единичная емкость ладьевидной формы с овально-приостренным устьем и налепами на торцах изделия найдена в материалах комплекса селище Кушниково 8, который Е. Н. Дубовцева, Погодин, Сергеев относят к быстринскому типу¹⁰¹. Известны немногочисленные ладьевидные емкости и чаши также в барсовогорской группе памятников (Барсова Гора II/17, Барсова Гора IV/5), все они относятся к среднему и позднему этапам неолита¹⁰². Стоит отметить, что авторы исследования комплексов Кушниково 8 отмечали сходство найденного ладьевидного сосуда с барсовогорским типом посуды.

На территории Восточной и Юго-Восточной Прибалтики единичные изделия встречаются в памятниках цедмарской культуры¹⁰³. Ладьевидный сосуд, найденный на

⁹⁹ Собольникова Т. Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита-ранней бронзы : дис. — Алтайский государственный университет. [Электронный ресурс] Барнаул, 1998. URL: <http://cheloveknauka.com/goncharnye-traditsii-nizoviy-kondy-v-epohu-neolita-ranney-bronzy> (дата обращения: 29.05.19)

¹⁰⁰ Шорин А. Ф., Шорина А. А. Кокшаровский холм: неолитические сосуды с рельефными изображениями // Уральский исторический вестник. 2016. №. 4. С. 17.

¹⁰¹ Дубовцева Е. Н., Погодин А. А., Сергеев А. С. Керамические комплексы неолитического посёлка Кушниково // ХМАО в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2006. С. 31.

¹⁰² Косинская Л. Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск, 2006. С. 20.

¹⁰³ Зальцман Э. Б. К проблеме происхождения приморской культуры (по материалам раскопок поселений Прибрежное и Ушаково-3) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2016. №. 1. С. 6-38.

стоянке Калмыковка-1, К. М. Андреев, А. А. Выборнов, И. Н. Васильев, А. В. Сомов относят как к елшанской культуре раннего неолита, так и к сосудам средневожской культуры развитого и позднего неолита лесостепного Поволжья, так как существуют определенные сложности в разграничении этих культур, подвергшихся заметному синтезу¹⁰⁴. Единственное археологическое образование, где ладьевидные формы многочисленны и достаточно разнообразны — это кельтеминарская неолитическая культурная общность, занимавшая территория южного Приаралья. Ладьевидные емкости встречаются в ряде памятников Акчадарьинской дельты, в космолинской группе памятников, расположенных в Низовьях Сырдарьи, а также на Лавляканских стоянках, датируемых развитым и поздним неолитом, и совпадающих с джанбасским и позднеолитическим этапами развития кельтеминарской культуры¹⁰⁵.

Наличие столь устойчивой развитой традиции при отсутствии такой традиции на сопредельных территориях свидетельствует, на наш взгляд, о довольно быстром миграционном процессе, поскольку полное перерождение нормы изготовления сосуда определенной формы может произойти в течение жизни приблизительно 5-6 поколений гончаров (т.е. примерно через 150-180 лет после начала смешения местной и пришлой культурных традиций)¹⁰⁶. Изменение же, выражающееся в появлении «приспособительных» форм и навыков наступают еще раньше.

Конечно, можно предположить, что емкости ладьевидной формы попадали на территорию Приполярного Урала по «торговым коридорам», о которых ранее уже шла речь, однако, в таком случае остается совершенно неясной необходимость местного населения в подобной посуде при наличии у потребителей привычных – яйцевидной и полуяйцевидной – форм. Нам представляется наиболее правдоподобной версия о том, что ладьевидные емкости (как и немногочисленные чаши) производились мастерами населения самостоятельно в соответствии с их гончарной традицией, а не выменивались у южного населения.

Кроме того «честыйягская» традиция изготовления ладьевидных емкостей, вероятно, нашла продолжение в энеолите (ясунская культура) и раннем бронзовом веке Северо-Западной Сибири (поселение Вары-хадыта II), где ладьевидные емкости

¹⁰⁴ Андреев К. М. и др. Новые неолитические материалы стоянки Калмыковка I // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. №. 3-1. С. 133.

¹⁰⁵ Коробков Г. Ф. Неолит юга. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии. Археология. М.: Наука, 1996. С. 98, 101, 104-106.

¹⁰⁶ Цетлин Ю. Б. Древняя керамика // Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН. С. 133.

представлены не только блюдами с овальным и овально-приостренным устьем, но и образцами с более сложным оформлением венчика¹⁰⁷.

Многочисленных следов группы яйцевидных сосудов с седловидным обрезом венчика за пределами Чес-тый-яга при картографировании нами обнаружено не было. Несколько подобных сосудов известны в неолитических слоях Кокшаровского холма¹⁰⁸. Это может говорить, как о недостатке опубликованных к настоящему времени данных, и, в целом, слабой изученности региона, так и об уникальности данной группы емкостей. Однако стоит отметить, что характерная черта подобных сосудов – налепы и выступы в высшей точке диаметра известны и на сосудах с прямым и волнистым обрезом венчика в ряде неолитических комплексов Урала и Зауралья.

Конструктивную особенность в виде редуцированных налепов, как было отмечено ранее, некоторые исследователи считают угасанием традиции изготовления сосудов со стилизованными аква-зооморфными налепами¹⁰⁹. Сосуды с налепами в виде животных и рыб обнаружены в ранне-неолитических слоях памятников Кокшаровский холм, Махтылинский холм и Полуденка I, относящихся, по мнению исследователей, к боборыкинско-кошкинским древностям. Все они залегали в одном стратиграфическом слое с керамикой, орнаментированной в прочерченной и накольчато-прочерченной технике. По мнению В. Т. Ковалевой, сложные стилизованные налепы являются автохтонной традицией, свойственной для ранне-неолитических охотников и рыболовов. Наличие редуцированных налепов на чesтыягских сосудах может рассматриваться как пример заимствования у местной гончарной традиции, однако сравнительно небольшое количество сосудов с налепами означает, что такое заимствование еще не успело укорениться в гончарной традиции мастеров поселения либо, что более вероятно, такая традиция была позаимствована уже в момент ее упадка. Об упадке подобной традиции говорит тот факт, что в поздне-неолитических и энеолитических комплексах сосуды с «полноценными» налепами не известны за исключением двух находок с Андреевского озера и I Береговой стоянки Горбуновского торфяника, но и они отличаются слабой детализацией¹¹⁰. Прочие находки представлены сосудах с волнистым обрезом венчика и

¹⁰⁷ Васильев Е. А. Транскультурные традиции Северо-Западной Сибири в эпохи неолита и раннего металла // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. №4 (42). С.98–102.

¹⁰⁸ Шорин А. Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Уральский исторический вестник. 2010. №. 1. С. 34.

¹⁰⁹ Ковалева В. Т., Арефьев В. А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. 1993. С. 107-119.

¹¹⁰ Указ. соч. С. 115.

редуцированными изображениями-выступами и выемками по краю сосудов (поселение Быстрый Кульёган 66).

Что касается других технологических приемов – обработки поверхности изделий и окрашивания, здесь можно сказать следующее. Заглаживание твердым предметом (предположительно галькой) отмечено в некоторых кошкинских комплексах, в частности в комплексе памятника Чертова Гора¹¹¹. Сочетание лощения и окрашивания красноватой охрой достаточно часто отмечено на уже упомянутых нами ранее сосудах джанбасского этапа кельтеминарской культуры¹¹². Залощенные до «металлического блеска» окрашенные красной и желтоватой охрой горшки найдены также в материалах поздненеолитической боборыкинской культуры. Однако следует помнить о том, что одним из наиболее устойчивых признаков гончарной традиции является способ формовки: сосуды Чес-тый-яга изготавливались ленточным налепом, кошкинские – жгутовым¹¹³, что указывает на низкую вероятность родства двух гончарных традиций, не говоря уже о большом разрыве времени их бытования (ранний неолит – поздний неолит). Технология изготовления боборыкинской керамики, как справедливо отмечала В. Т. Ковалева, не имеет аналогов на Урале и Зауралье, так как в данной традиции распространены плоскодонные профилированные сосуды¹¹⁴. К сожалению, подробный технико-технологический анализ, насколько нам известно, для сосудов стоянки Толстова, Кавата 7 и Джанбаса 4 (джанбасский этап кельтеминарской культуры) проведены не были, что затрудняет сравнительный анализ этих керамических комплексов по техническим характеристикам.

Сравнительный анализ орнаментальных стилей различных комплексов Урала и Зауралья показал следующую картину.

¹¹¹ Собољникова Т. Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита-ранней бронзы : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.06. [Электронный ресурс] Барнаул, 1999. URL: <http://cheloveknauka.com/goncharnye-traditsii-nizoviy-kondy-v-epohu-neolita-ranney-bronzy> (дата обращения: 01.06.19).

¹¹² Ошибкина С. В. Неолит Северной Евразии [Электронный ресурс] // Археология. М.: Наука, 1996. URL: <http://www.bibliotekar.ru/3-1-75-neolit/48.htm> (дата обращения: 01.06.19).

¹¹³ Собољникова Т. Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита-ранней бронзы : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.06. [Электронный ресурс] Барнаул, 1999. URL: <http://cheloveknauka.com/goncharnye-traditsii-nizoviy-kondy-v-epohu-neolita-ranney-bronzy> (дата обращения: 01.06.19).

¹¹⁴ Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. 1998. С. 175-176.

В керамика Кокшаровского холма помимо сходства форм (единичные емкости ладьевидной формы и полуяйцевидные сосуды с седловидным обрезом венчика) обнаруживаются сходства в преобладании волнисто-прочерченной техники, использовании естественных (зубчатых) орнаментов для декорирования венчиков. При этом сосуды, обнаруживающие наибольшее сходство с честыягскими, авторами исследований определены как культовые предметы, стратиграфически залегающие в одном ранненеолитическом слое с кошкинскими и кокшарово-юринскими древностями¹¹⁵. Обе гончарные традиции имеют достаточно схожих черт: нанесение орнамента гладким прочерчиванием, отступающими наколами, важной общей чертой является и использование «двузубого» штампа. Во всех трех названных традициях отмечена полизональность композиции: сочетание горизонтальной, заполненной волнистыми линиями и вертикальной, состоящей из наклонных линий, зон¹¹⁶. Однако стоит отметить, что разреженность орнамента на кошкинских сосудах находит большее сходство с сосудами Чес-тый-яга, тогда как кокшарово-юринские сосуды орнаментированы достаточно плотно и, как правило, полностью.

В более поздних культурных традициях комплекс памятника Чес-тый-яг находит отдаленное сходство с боборыкинской культурой: в прочерченно-накольчатой технике, орнаментации закраины венчика наклонными насечками, схожей зональностью декорирования, наличие треугольных и ромбовидных мотивов, а также в наличие зооморфных налепов¹¹⁷. При этом стоит отметить, что исследователями кошкинско-боборыкинской проблемы, в последние годы выдвигается тезис об общем истоке двух названных культурных традиций, который лежит за пределами Уральского и Зауральского региона¹¹⁸.

Некоторые сходства в орнаментальной традиции в комплексах таежной зоны обнаружены в материалах быстринского (Быстрый Кульёган 66) и барсовогоского типа, о которых уже было упомянуто ранее в контексте наличия схожих форм и технологических приемов. Все названные группы памятников, по мнению исследователей, не являются автохтонными, так как не содержат в себе гребенчатого компонента (за исключением

¹¹⁵ Шорин А. Ф., Шорина А. А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. Т. 3. С. 72-73, 77.

¹¹⁶ Мосин В. С. Реальность выделения социумов в археологии каменного века // Этничность в археологии или археология этничности. Челябинск, 2013. С. 12.

¹¹⁷ Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. 1998. С. 176.

¹¹⁸ Указ. соч.

комплекса городища Амня I, на которое, по всей вероятности, оказала влияние местная еттовская традиция)¹¹⁹. При этом нельзя не сказать об отличиях, проявляющихся в наличие наплывов под венчиком, волнистого обреза венчика, жемчужин. Доля прочерчивания в материалах быстринского типа (быстринской культуры) значительно меньше – 56% против 62-93% в разных группах честыйгских сосудов. В большом количестве (40%) присутствует отступающе-накольчатая техника с протаскиванием, которая не зафиксирована в комплексе Чес-тый-яга¹²⁰.

За пределами лесной и таежной зон Западной Сибири, схожая орнаментальная традиция обнаружена в материалах уже названного нами памятника Джанбас 4. Здесь наблюдается наиболее схожее сочетание волнисто-прочерченной техники, традиции украшений венчика зубчатым штампом, наличие мотивов в виде ромба и зигзага. Отличительной чертой является наличие на джанбасских сосудах «елочки», не отмеченной на честыйгской посуде.

Наличие отдельных общих черт со многими культурными типами Урала и Зауралья, но отсутствие полных аналогий (в том числе в каменной индустрии и типе жилищ) заставляет нас вернуть к вопросу о мозаичности культур неолита обозначенного региона. Осложняет ситуацию и сосуществование в определенные периоды некоторых, определяемых как разновременные, традиций: боборыкинской-кошкинской-полуденской, амнинский-еттовской-сумпаньинский и т.д.

Возвращаясь к выдвинутым в начале параграфа гипотезам о происхождении ряда неолитических комплексов Урала и Зауралья, в том числе исследуемого нами, считаем необходимо обратиться и к другой гипотезе – о двух волнах миграции, – которая ставилась под сомнение во второй главе настоящей работы.

Результаты картографирования и сравнительного анализа для ряда местных комплексов обнаружило следующую картину. Уже в раннем неолите местная (вероятно, гребенчатая) традиция соседствовала с прочерчено-накольчатыми комплексами. Ранние – кошкинские и кокшарово-юринские комплексы, лишенные гребенчатого компонента, по мнению исследователей, таким образом, являются пришлыми. В позднем неолите наблюдается схожая ситуация – пришлые носители боборыкинской культуры обнаруживают, на наш взгляд, вполне реальные аналогии с материалами круга культур

¹¹⁹ Косинская Л. Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск, 2006. С. 19.

¹²⁰ С. Дубовцева Е. Н., Погодин А. А., Сергеев А. С. Керамические комплексы неолитического посёлка Кушниково // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Ханты-Мансийск, 2006. С. 29.

Каспийско-Причерноморского региона, Кавказскими стоянками (особенно со стоянкой Нижнее Шилово), население которого являлось к моменту появления боборыкинского населения в Зауралье и на Урале оседлым и раннеземледельческим. При этом, по нашему мнению, нельзя говорить о том, что боборыкинская традиция продолжила кошкинскую, однако, обе культурные традиции, как было отмечено ранее, имели общие корни. Подобная картина смешения пришлого и местного компонентов справедлива и для таежной зоны Западной Сибири на примере амнинской и еттовской традиций.

На наш взгляд, полученные результаты, говорят в пользу версии о двух волнах миграции. Первая, пришедшаяся на раннеолитическое время (VI – V тыс. до н.э.), вероятно, представляла собой продвижение южного населения охотников и собирателей в Южное и Среднее Зауралье, где оно смешивалось с местной традицией, образуя локальные культурные варианты, а затем постепенно продвигалось в северные районы, обеспечивая взаимосвязь различных традиций, что проявляется в наличие устойчивых форм и часто повторяющихся мотивов на обширной территории.

Вторая волна, пришедшаяся условно на позднеолитическое время (IV- начало III тыс. до н.э.), вновь принесла на территорию Зауралья и Урала южный компонент, при том, однако, пришлое население не было однородным, и продвигалось на большие дистанции, чем в первую волну миграции.

Известно, что южное население Приаралья и близлежащих территорий, которое по всей вероятности и представляло собой тех самых мигрантов, подвергалось длительному влиянию раннеземледельческих культур своих более южных соседей, что способствовало превращению части охотников и собирателей в оседлых земледельцев и скотоводов. Так, связи с раннеземледельческими обществами обнаруживаются в боборыкинской культуре. При этом раскопки на р. Казым показали частичное продвижение боборыкинского населения в тайгу, где оно вело борьбу с местным населением за богатые охотничьи угодья, о чем свидетельствует укрепленный характер поселений¹²¹.

Однако появление Чес-тый-яга связано, на наш взгляд, с миграцией во время второй волны не ранних земледельцев, а продолжателей традиции охотников-собирателей, какими являлись носители кельтеминарской культуры на ее джанбасском этапе. Яйцевидные, ладьевидные сосуды и чаши, преобладание волнисто-прочерченной техники в сочетании с развитием ко второй половине этапа техники орнаментации венчика насечками и оттисками зубчатого штампа, преобладание мотивов в виде

¹²¹ Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала. Вып. 23. 1998. С. 181.

«зигзага» и общего геометризма, окрашивание сосудов желтой и красноватой охрой дают достаточно аналогий с комплексом Чес-тый-яга для того, чтобы говорить о генетических связях двух культурных традиций.

Раскопки стоянки Джанбас 4 дали представления не только о культурной традиции ее древних обитателей, но и о водном режиме Акча-Дарьинской дельты. По всей вероятности, на момент появления кельтеминарской культуры Аральское море в его современном виде еще не существовало. Климат был в целом суше современного; преобладали южные сухие ветры; реки Амударья и Сырдарья несли значительно меньше воды, которая, не будучи в состоянии пробить свое современное русло через западный отрог Султан-Уиздагской гряды, расплывалась в систему бесчисленных протоков, озер и болот на запад и восток от этой преграды¹²².

На протяжении почти всей эпохи неолита Акча-Дарьинская дельта была весьма сильно обводнена, вся ее обширная территория представляла собой болотистую местность, заросшую тугайными лесами и камышом, которые изобиловали опасными хищниками и были неудобны для обитания. Неустойчивый уровень вод нередко затоплял область дельты, что подтверждает стратиграфия стоянки Джанбас 4, потому свои жилища «кельтеминарцы» возводили на высоких островках, значительно возвышающихся над уровнем местных озер и болот¹²³. Схожим, «островным» характером, обладает и поселение Чес-тый-яг, хотя такое его расположение связано, по всей вероятности, не с опасностью затопления, а с результатом раздела лестных территорий в условиях притока нового населения с юга и конкуренцией между общинами мигрантов, аборигенов и гетерогенных сообществ¹²⁴.

В первом параграфе настоящей главы нами был выдвинут тезис о большом значении в жизни носителей честыйягской традиции воды, что отмечено определенной символикой в орнаменте (волнистые линии, ямки-наколы по закраине венчика, зигзаги). Те же символы, по всей вероятности, отражены и в орнаментике кельтеминарской культуры. Озерно-речная сеть играла в жизни древнего населения Приаралья большую роль. Она обеспечивала транспортные функции, являлась поставщиком раковин, активно применявшихся в хозяйственной деятельности «кельтеминарцев», обеспечивала их пищей, которой главным образом служила рыба, преимущественно щука и сом.

¹²² Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1948. С. 67-68.

¹²³ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Рипол Классик, 2013. С. 31.

¹²⁴ Борзунов В. А. Неолитические укрепления и их прототипы таежного Приобья и Зауралья // ВААЭ. 2012. №4 (19). С. 13.

Культурным слой стоянки буквально переполнен костями рыб¹²⁵. Постоянная опасность затопления, зависевшая от уровня воды, вероятно, повлияла на развитие в орнаментике комплекса стоянки Джанбас 4 символа дождя, «небесной влаги», к которой ряд исследователей, как было отмечено ранее, относят зигзаги.

Разумеется, мы не можем говорить о том, что население Чес-тый-яга является «чистой» традицией кельтеминарского населения. В керамике памятника найдены следы взаимодействия с местной традицией (гребенчатый штамп), иными пришлыми группами (зооморфные налепы). Все это привело к постепенной трансформации чествягской традиции, выразившейся в появлении особенных, не имеющих аналогий, черт (группа сосудов с седловидным обрезом венчика). Однако, по всей вероятности, такая миграция произошла за относительно короткий промежуток времени (максимум 5-6 поколений), так как сохранение столь крепкой связи с истоками традиции при постоянном влиянии новой обстановки практически невозможно на протяжении более длительного времени, неизменно связанного с постепенной ассимиляцией и утратой «корней». При имеющихся в нашем распоряжении данных мы не можем считать поселения таежной зоны «резервациями», где культурная традиция особенно консервативна. Постоянный приток мигрантов на относительно свободные и богатые лесные угодья севера Западной Сибири исключает возможность изолированности местных традиций.

Таким образом, именно миграционный процесс определил мозаичный и гетерогенный облик неолита Зауралья и Урала, в особенности, Приполярной его зоны. Культуры и культурные типы, выделяемые исследователи на данной территории, не только сосуществовали в определенные отрезки времени, но, и по всей вероятности, многие из них имели общие корни. В связи с этим закономерно встает вопрос о возможности хронологической и культурной атрибуции комплексов, а также правомерности привычного деления социума в соответствии с археологической культурой применительно к ситуации Зауралья и Урала. Потому мы согласны с позицией В. С. Мосина, полагающего, что непостоянство и текучесть состава резидентной группы (общины) в обществах с присваивающим типом хозяйствования приводит к тому, что даже однослойное единовременное поселение, состоящее как минимум из трех жилищ, уже представляет собой крайне сложное социальное явление: своеобразный «узел», в котором переплетаются нити родства и свойства нескольких десцентных линий. Определенное количество таких резидентных групп, занимающих общую территорию в

¹²⁵ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М: Издательство АН СССР, 1948. С. 68.

единой ландшафтной зоне и соединенных между собой кровно-родственными отношениями, обменом, общей мифологией и другими коммуникациями, образующих социальную систему из поселений и стоянок, можно считать единым уникальным социумом¹²⁶.

Таким образом, для территории Урала и Зауралья границы социумов целесообразно выделять не только по оригинальному керамическому комплексу, но по своеобразной технике и технологии, выражающейся в оригинальных комплексах орудий, и сочетающих несколько орнаментальных традиций, характерных для ряда входящих в такой социум десцентных линий. Именно такой подход, на наш взгляд, в дальнейшем позволит преодолеть выделение мозаичных локальных культурных типов, позволит объединить их в большие кластеры, изучение которых, в свою очередь сделает возможным не только построения хронологических шкал для региона, но и позволит определить своеобразный облик для каждого из таких социумов.

Что касается исследуемого нами памятника, мы не видим никаких доказательств выдвинутого Л. Л. Косинской предположения об удревлении Чес-тый-яга и его синхронности с быстринской археологической культурой¹²⁷. Наличие схожих черт в орнаментальных комплексах двух традиций можно объяснить формированием этих традиций пришлым населением, имеющим общую прародину. Так, многообразие рецептов формовочной массы, зафиксированных в материалах неолитических комплексов селища Барсова Гора II/19 явно указывает на процесс приспособливания пришлых «быстринских» гончаров к местному сырью¹²⁸. На наш взгляд, очевидно, что время функционирования поселения пришлось на время позднего неолита, потому его место в хронологической шкале региона не требует дальнейшего уточнения.

¹²⁶ Мосин В. С. Реальность выделения социумов в археологии каменного века // Этничность в археологии или археология этничности. 2013. С. 18-31.

¹²⁷ Косинская Л. Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск, 2006. С. 22.

¹²⁸ Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Неолитические комплексы селища Барсова Гора II/19. Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011. С. 246.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Керамика, в отличие от органических изделий, сохраняется в земле тысячелетиями. Поэтому она является одним из самых массовых источников первобытности. При многоплановом системном анализе такой источник способен дать сведения о технологическом процессе древнего гончарного труда и степени его развития, о семейно-брачных отношениях и этнокультурных контактах, что в свою очередь позволяет восстановить следы первобытных миграционных процессов. Потому вполне объясним пристальный интерес к первобытной керамике ученых-археологов.

В первой главе работы нами был прослежен путь развития и становления современной методики и методологии работы с археологической керамикой. В отечественной науке методика и методология изучения керамики в процессе своей эволюции прошли несколько этапов: от эмоционально-описательного и формально-классификационного до историко-культурного.

В целом, характерной чертой настоящего этапа отечественной науки является то, что в изучении керамики все еще применяются исследования, выполненные с позиций всех трех подходов: эмоционально-описательного, формально-классификационного и историко-культурного. В современной российской археологии все больше утверждается методика анализа керамики, основанная как на традиционных археологических методах, так и новых, связанных с привлечением результатов изучения с помощью естественных наук. Эти методы используются в разной степени, но при этом приводят к невозможности выработки единой системы исследовательских процедур, а также разнобою в терминологии. Утверждение единой терминологии (особенно в области изучения орнамента), а также следование единому – системному подходу, без излишнего увлечения отдельными методами изучения керамики, на наш взгляд, способно решить ряд проблем, стоящих перед исследователями древнего гончарства в настоящее время.

Изучение комплексов Западной Сибири, безусловно, внесло существенный вклад в развитие методов работы с первобытной керамикой. На материалах этих комплексов формировались и совершенствовались новые методики исследования: трасологии, количественного анализа, компьютерного моделирования керамики, а также углубленных методов типологии.

Что касается зарубежной археологии, там развитие интереса к первобытной керамике в общих чертах можно представить, воспользовавшись классификацией Клива

Ортона, который разделяет историю развития исследования древнего гончарства на три фазы: 1.«Фаза исторического искусства», рамки которой определяются ученым условно в промежутке с 1500 по 1880 год. На данном этапе людей, занимающихся сбором и коллекционированием древностей, а позже и самих археологов, керамические горшки интересовали в целом, как произведения искусства, при этом познавательные функции керамики считались несущественными; 2.«Фаза типологического интереса» с 1880 по 1960 год, которую характеризует интерес к датирующей функции археологической керамики; 3. «Фаза контекстуального интереса», учитывающая все аспекты от микроструктуры до морфологии сосудов, — современная фаза науки, датируемая с конца 1960-х годов по сей день.

Сравнивая уровень развития отечественной и зарубежной науки в области изучения керамики, можно отметить более высокий процент привлечения естественно-научных исследований в тесном сочетании с экологическим и этноархеологическим подходом. Эта интегральность обеспечивается работой междисциплинарных исследовательских центров и сотрудничеством специалистов разного профиля. Однако следует отметить, что и в отечественной науке в последние годы наметилась тенденция в сторону разноплановости исследовательских методов, которые стремятся объединить в себе историко-культурный подход.

Обращаясь к проблеме исследования неолитических комплексов таежной зоны Западной Сибири, автор настоящей работы согласился с мнением Т. Н. Собольниковой о мозаичности культур таежной и лесной зоны Западной Сибири. Особенно характерно это проявляться для комплексов Приполярного Урала. Нам представляется убедительным факт влияния на складывание неолита как Северного, так и Южного Зауралья миграционного потока с территорий Южного Приаралья (кельтеминарская культура?). Однако в данной главе работы было поставлено под сомнение наличие двух волн миграции южного населения в обозначенный регион на протяжении эпохи неолита, предложенное В. Т. Ковалевой.

Во второй главе, в соответствии с поставленными задачами исследования, нами был проведен технико-технологический и декоративно-морфологический анализ керамического комплекса неолитического памятника Чес-тый-яг. На основании проведенного анализа разработана классификация сосудов, в основу которой положена форма емкостей. Все сосуды поселения можно разделить на два класса: стандартные (85%) и нестандартные емкости (15%).

В классе стандартных сосудов яйцевидные емкости представляют собой отдельную группу. По оформлению венчика группа подразделяется на два типа:

сосуды с прямым обрезом венчика и сосуды с седловидным обрезом венчика. Разница между диаметром венчика и наибольшим диаметром тулова служит критерием для отнесения сосудов к подтипу закрытых или открытых емкостей. Вариант определяется наличием или отсутствием декоративных элементов и включает в себя следующие категории: сосуды с выступом-налепом, сосуды с выемкой, сосуды без дополнительных декоративных элементов.

В классе нестандартной глиняной выделены две группы: ладьевидные сосуды и чаши. Группа ладьевидных сосудов по оформлению носовой и кормовой частей подразделяется на два типа: изделия с овальным устьем и изделия с овально-приостренным устьем. Форма венчика служит критерием для отнесения емкости к подтипу открытых или закрытых емкостей. Варианты определяются наличием или отсутствием скульптурных элементов (орнито- или зооморфных образов) и включает в себя следующие категории: сосуды с выступом-налепом, сосуды с выемкой, сосуды без дополнительных декоративных элементов. Для группы сосудов, обозначенной нами как чаши дальнейшая классификация затруднительна по причине малочисленности сосудов данной группы. Чаши представлены всего тремя образцами и представляют собой, судя по всему, невысокие емкости открытой формы с округлым донцем.

Подводя итоги технико-технологическому и морфолого-декоративному анализу керамического комплекса поселения Чес-тый-яг, можно сказать следующее: сосуды с толщиной стенки в среднем 5-6 см изготавливались из тонкослоистой глины с естественной примесью слюды и искусственными добавками в виде шамота, охры, песка, дресвы, (кварцевой?) гальки путем ленточного налета и реже (для емкостей с диаметром менее 6см) выдавливания. Венчики преимущественно уплощенные либо скошенные внутрь. Сосуды орнаментированы в основном в прочерченной и накольчатой технике, по закраине венчика – печатью зубчатым штампом.

Для яйцевидных сосудов с седловидным обрезом венчика характерен более сложный орнамент, чем для сосудов с прямым обрезом венчика, что обуславливается наличием на первых полизональных композицией, связанных, по всей видимости, с оригинальной формой и дополнительными декоративными элементами в виде выступов-налепов и выемок. При том, на одном из сосудов с прямым обрезом венчика также обнаружен налет, однако, он не повлиял на композицию орнамента. Композиция ладьевидных сосудов представлена как моно- так и полизональностью. Зачастую такие емкости декорировались с двух сторон.

Обработка поверхности сосудов чаще всего представлена обмазкой влажной глиной с последующей затиркой, реже встречены приемы рельефно-выраженного заглаживания (характерен для группы яйцевидных сосудов с прямым обрезом венчика и неорнаментированным туловом) и лощения. Для ладьевидных емкостей прием лощения почти всегда был связан также с окрашиванием поверхности красновато-малиновой охрой.

В третьей главе автором был проведен сравнительный анализ керамического комплекса Чес-тый-яга с материалами неолитическими памятников обозначенного рамками исследования региона, который показал следующее:

1. Единичные ладьевидные емкости известны в ряде памятников Северной Евразии, однако наибольшее количество подобных форм известно в комплексах Чес-тый-яга, стоянках джанбасского этапа кельтеминарской культуры, а также в комплексах, относящихся к быстринскому культурному типу.

2. Многочисленных следов группы яйцевидных сосудов с седловидным обрезом венчика за пределами Чес-тый-яга при картографировании нами обнаружено не было. Несколько подобных сосудов известны в неолитических слоях Кокшаровского холма, однако их культурная атрибуция, на наш взгляд, затруднительна.

3. Сосуды с налечами в виде животных и рыб обнаружены в ранне-неолитических слоях памятников Кокшаровский холм, Махтылинский холм и Полуденка I, относящихся, по мнению исследователей, к боборыкинско-кошкинским древностям. Все они залегали в одном стратиграфическом слое с керамикой, орнаментированной в прочерченной и накольчато-прочерченной технике. Поздне-неолитические находки представлены сосудами с волнистым обрезом венчика и редуцированными изображениями-выступами и выемками по краю сосудов из комплекса поселения Быстрый Кульёган 66 (быстринский культурный тип).

4. Аналогии в технике и технологии изготовления посуды Чес-тый-яга найдены в кошкинско-боборыкинских и кельтеминарских (джанбасский этап) комплексах.

5. Отдельные в орнаментальной традиции обнаруживаются как с ранне-неолитическими прочерченно-накольчатые комплексы (кошкинско-юрьинские), так и с поздне-неолитическими (барсовогорская группа памятников, быстринский культурный тип – памятник Быстрый Кульёган 66, Чилимка V, селище Чёрная 3). За пределами лесной и таежной зон Западной Сибири, схожая орнаментальная традиция обнаружена в материалах уже названного нами памятника Джанбас 4. Здесь наблюдается

наиболее схожее сочетание волнисто-прочерченной техники, традиции украшений венчика зубчатым штампом, наличие мотивов в виде ромба и зигзага.

Наличие отдельных общих черт со многими культурными типами Урала и Зауралья, но отсутствие полных аналогий (в том числе в каменной индустрии и типе жилищ) заставляет нас вернуть к вопросу о мозаичности культур неолита обозначенного региона. Осложняет ситуацию и сосуществование в определенные периоды некоторых, определяемых как одновременные, традиций.

На наш взгляд, полученные результаты, говорят в пользу версии о двух волнах миграции В. Т. Ковалевой. Первая, пришедшаяся на ранненеолитическое время (VI – V тыс. до н.э.), вероятно, представляла собой продвижение южного населения охотников и собирателей в Южное и Среднее Зауралье, где оно смешивалось с местной традицией, образуя локальные культурные варианты, а затем постепенно продвигалось в северные районы, обеспечивая взаимосвязь различных традиций, что проявляется в наличие устойчивых форм, часто повторяющихся мотивов для обширных территорий.

Вторая волна, пришедшаяся условно на поздненеолитическое время (IV- начало III тыс. до н.э.), вновь принесла на территорию Зауралья и Урала южный компонент, при том, однако, пришлое население не было однородным, и продвигалось на большие дистанции, чем в первую волну миграции.

Появление Чес-тый-яга связано, на наш взгляд, с миграцией во время второй волны не ранних земледельцев, а продолжателей традиции охотников-собирателей, какими являлись носители кельтеминарской культуры на ее джанбасском этапе. Яйцевидные, ладьевидные сосуды и чаши, преобладание волнисто-прочерченной техники в сочетании с развитием ко второй половине этапа техники орнаментации венчика насечками и оттисками зубчатого штампа, преобладание мотивов в виде «зигзага» и общего геометризма, окрашивание сосудов желтой и красноватой охрой дают достаточно аналогий с комплексом Чес-тый-яга для того, чтобы говорить о генетических связях двух культурных традиций.

Разумеется, мы не можем говорить о том, что население Чес-тый-яга является «чистой» традицией кельтеминарского населения. В керамике памятника найдены следы взаимодействия с местной традицией (гребенчатый штамп), иными пришлыми группами (зооморфные налепы). Все это привело к постепенной трансформации честыйягской традиции, выразившейся в появление особенных, не имеющих аналогий, черт (группа сосудов с седловидным обрезом венчика). Однако, по всей вероятности, такая миграция произошла за относительно короткий промежуток времени (максимум 5-6 поколений), так

как сохранение столь крепкой связи с истоками традиции при постоянном влиянии новой обстановки практически невозможно на протяжении более длительного времени, неизменно связанного с постепенной ассимиляцией и утратой «корней». При имеющихся в нашем распоряжении данных мы не можем считать поселения таежной зоны «резервациями», где культурная традиция особенно консервативна. Постоянный приток мигрантов на относительно свободные и богатые лесные угодья севера Западной Сибири исключает возможность изолированности местных традиций.

Таким образом, именно постоянный приток мигрантов определил мозаичный и гетерогенный облик неолита Зауралья и Урала, в особенности, Приполярной его зоны. Потому, становится актуальным изучение не только отдельных – локальных – типов, а попытки выявить в таких типах общие компоненты единого социума, включающего некоторое количество резидентных групп (общин), проживающих на общей территории в единой ландшафтной зоне и соединенных между собой кровно-родственными отношениями, обменом, общей мифологией и другими коммуникациями, образующих социальную систему из поселений и стоянок. Автор работы согласен с мнением В. С. Мосина о перспективности многопланового изучения памятников Западной Сибири, необходимости исследования не отдельных жилищ, а всего древнего поселка в целом, что позволит сделать шаг в сторону реконструкции внутренней структуры населявшего его общества. Дальнейшие исследования позволят проследить направление и интенсивность связей с другими синхронными поселениями, определить ячейки единой сети, создающей социальную идентичность.

Что касается места на шкале истории исследуемого нами памятника, в настоящий момент мы не располагаем достаточным количеством фактов в пользу выдвинутого Л. Л. Косинской предложения об удревлении Чес-тый-яга и его синхронности с быстринской археологической культурой на ее начальном этапе. На наш взгляд, имеющиеся к настоящему времени материалы свидетельствуют в пользу того, что время функционирования поселения Чес-тый-яг пришлось на период позднего неолита, потому его место в хронологической шкале региона на данный момент не может быть пересмотрено. Однако при этом нельзя не отметить сходство керамических комплексов двух традиций. На наш взгляд, наличие общих черт в честыйягской и быстринской гончарных традициях можно объяснить формированием этих традиций пришлым населением, имеющим общую прародину, и, вероятно, образующим единый социум, в состав которого входили носители как минимум этих двух гончарных традиций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Архив МАЭС ТГУ. Е. А. Васильев. Отчет о полевых работах Северотаёжного отряда археологической экспедиции Томского государственного университета летом 1983 г. № 1222.
2. Архив МАЭС ТГУ. Е. А. Васильев. Отчет о полевых работах Северотаёжного отряда археологической экспедиции Томского государственного университета летом 1985 г. № 963.
3. Архив МАЭС ТГУ. Е. А. Васильев. Отчет о полевых работах Северотаёжного отряда археологической экспедиции Томского государственного университета летом 1986-87 г. № 1220.
4. Коллекция археологического фонда МАЭС ТГУ № 7540

Литература

5. Андреев К. М. и др. Новые неолитические материалы стоянки Калмыковка I // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2016. – Т. 18. – №. 3–1. – С. 130–139.
6. Бадер О. Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. – М., 1970. – С. 157–171.
7. Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. – Л., 1981. – Вып. 37. – С. 215–226.
8. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
9. Бобров В. В. Тенденции развития орнамента и ритмы жизни (размышляя о первобытном искусстве. . .) // Вестник КемГУ. – 2015. – №1-3 (61). – С 6–12.
10. Борзунов В. А. Неолитические укрепления и их прототипы таежного Приобья и Зауралья // ВААЭ. – 2012. – №4 (19). – С. 4–16.
11. Боч С. Г. Материалы к четвертичной геологии Ляпинского, Нижнесосвинского и Кондинского края Западно-Сибирской низменности // Труды

комиссии по изучению четвертичного периода. – М.– Л.: АН СССР, 1937. – Т. 5. – С. 89–142.

12. Боч С. Г. Стоянки в бассейнах Северной Сосьвы и Конды // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. – М. – Л.: АН СССР, 1937. – Т.5. – С. 149–165.

13. Васильев Е.А. Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2004. – Вып. 2. – С. 296–301.

14. Васильев Е. А. Транскультурные традиции Северо-Западной Сибири в эпохи неолита и раннего металла // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2016. – №4 (42). – С. 98–102.

15. Васильев Е.А. К проблеме среднеазиатских западносибирских связей в неолитическую эпоху // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск, 1991. – С.31–33.

16. Васильев Е.А. Проблемы реконструкции социальных отношений древних обществ таежной полосы Западной Сибири (неолитическая эпоха) // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск, 1990. – С.40–41.

17. Васильева И. Н., Салугина Н. П. Некоторые итоги изучения древнего и средневекового гончарства // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки. – Самара: ООО «Офорт», 2010. – №. XV. – С. 135–152.

18. Воеводский М. В. К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны Европейской части РСФСР. // СА. – М. – Л., 1936. – № 1. – С. 51–77.

19. Волокитина Н. А. Акваорнитоморфные изображения в контексте мировоззрения древнего населения Европейского Северо-Востока // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – №. 4–2. – С. 37–39.

20. Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – М. – Л., 1973. – № 1. – С. 113–136.

21. Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. [Электронный ресурс] / ИА РАН. – Электрон. дан. – Новосибирск, 1996. – URL: <https://arheologija.ru/glushkov-keramika-kak-istoricheskiy-istochnik/> (дата обращения: 16.04.19).

22. Городцов В. А. Русская доисторическая керамика // Тр. XI АС в Киеве. – 1901. – Т. 1. – С. 576–672.

23. Дубовцева Е. Н. Использование охры в керамическом производстве севера Западной Сибири // Самарский научный вестник. – 2015. – №4 (13). – С. 37-47.
24. Дубовцева Е. Н. Орнаментальные традиции Урало-западносибирского региона (опыт экспериментального моделирования) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – №. 4 (23). – С. 52–58.
25. Дубовцева Е. Н., Погодин А. А., Сергеев А. С. Керамические комплексы неолитического посёлка Кушиково // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. – Ханты-Мансийск, 2006. – С. 20-34.
26. Дубовцева Е.Н., Юдина Е.А. Неолитические комплексы селища Барсова Гора II/19 // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во ТГУ, 2011. – Вып. 9. – С. 239–254.
27. Зальцман Э. Б. К проблеме происхождения приморской культуры (по материалам раскопок поселений Прибрежное и Ушаково-3) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2016. – №. 1. – С. 6–38.
28. Зах В. А. Орнаментальные традиции в Западной Сибири // ВИАЭ. – 2006. – №6. – С. 4-11.
29. Зах В. А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.06. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии РАН, 2006. – 54 с.
30. Историческое землеведение (Палеогеография) : учебное пособие для студентов географических факультетов педагогических вузов // А. В. Чернов; Моск. гор. пед. ун-т. – Москва: МГПУ, 2004. – 153 с.
31. Караваева Н. А. Почвы тайги Западной Сибири – М.: Наука, 1973. – 172 с.
32. Квасница Ю.К. Ладьевидные сосуды эпохи неолита в Западной Сибири [Электронный ресурс] / Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XLII междунар. студ. науч.–практ. конф. – № 7(42) – Электрон. дан. – Новосибирск, 2018. – URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/7\(42\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/7(42).pdf) (дата обращения: 09.05.2019).
33. Китова Л. Ю. В. Н. Чернецов: путь в науку и методолого-методическое наследие // Л. Ю. Китова, Л. А. Чиндина // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 4. – С. 5–11.
34. Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья // Свердловск: Изд-во УрГУ. – 1989. – 82 с.

35. Ковалева В. Т. Проблема этнокультурной специфики населения боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала: сборник научных трудов. — Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. — Вып. 26. — С. 27–39.
36. Ковалева В. Т., Арефьев В. А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург, 1993. — Вып. 21. — С. 107–119.
37. Ковалева В. Т., Варанкин Н. В. К вопросу о происхождении боборыкинской культуры // ВАП. — Тюмень, 1976. — С. 21–30.
38. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // Вопросы археологии Урала. — Вып. 23. — 1998. — С. 162–183.
39. Ковалева В. Т., Зырянова С. Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // Вопросы археологии Урала. — Вып. 25. — 2008. — С. 30–43.
40. Коробков Г. Ф. Неолит юга. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии. Археология. М.: Наука. — 1996. — С.87–135.
41. Косинская Л. Л. Неолит Севера Западной Сибири: проблема южных связей // XIV Уральское археологическое совещание (тезисы докладов). — Челябинск, 1999. — С.27–28.
42. Косинская Л.Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. — С. 16–40.
43. Косинская Л. Л., Дубовцева Е. Н., Юдина Е. А. Неолитические комплексы селища Чёрная 3 // Вопросы археологии Урала. Вып. 26. — 2011. — С. 199–217.
44. Крижевская Л.Я. 40 лет изучения каменного века на Урале: итоги и перспективы // С А. 1990. — № 2. — С. 5–17.
45. Любчанский И. Э. Керамический комплекс и формально-статистические методы его обработки // Вестник ЧелГУ. — 2005. — №1. — С.125–135.
46. Мартынов А. И. Археология. [Электронный ресурс] / Высш. шк. Электрон. дан. — М., 2005. — URL: <http://arheologija.ru/osnovnyie-etapyi-razvitiya-arheologii/> (дата обращения: 04.03.19)
47. Марченко Ж.В. К проблеме появления керамики в Западной Сибири (хронологический и теоретический аспекты) // Вестник НГУ. — 2006. — Т.5. — Вып. 3. — С. 44–49.
48. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Теория и практика исследования древней керамики: традиционные и новейшие методы // Самарский научный вестник. — 2015. — № 3 (12). — С. 122–127.

49. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Традиционные и новейшие методы исследования древней керамики (теория и практика) // Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки. Материалы III международной научно-практической конференции 24–25 апреля 2014 г. – North Charleston, USA: spc Academic (научно-издательский центр Академический), 2014. – Т. 2. С. 30–40.
50. Мосин В. С. Реальность выделения социумов в археологии каменного века // Этничность в археологии или археология этничности. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 6–31.
51. Мошинская В.И. О зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой (К вопросу о древних контактах в уральской среде) // Проблемы археологии и древней истории угров. – М.: Наука, 1972. – С. 56–65.
52. Недошивин Г. А. Орнамент [Электронный ресурс] // БСЭ. – Электрон. дан. – М: Советская энциклопедия, 1978. – URL: http://www.endic.ru/enc_sovet/Ornament-44413.html (дата обращения: 20.05.2019).
53. Ошибкина С. В. Неолит Северной Евразии [Электронный ресурс] // Археология. – Электрон. дан. – М.: Наука, 1996. 379 с. URL: <http://www.bibliotekar.ru/3-1-75-neolit/48.htm> (дата обращения: 01.06.19).
54. Привалова В. М. Ритм орнамента как проекция мироздания в семантике знаков и символов // Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – №2–1. – С. 236–246.
55. Привалова В. М. Семантика орнамента в семиотике культуры (антропологическая проекция ритуала в геометрическом орнаменте) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12. – №. 5–1. – С. 311–318.
56. Путятин П. А. О гончарном искусстве в каменном веке // Изв. Имерат. рус. географ. общ-ва. – С-Пб., 1884. – Т. 20. – №. 3. – С. 280–309.
57. Путятин П. А. Орнаментация древнего гончарства // Труды VI Археологического съезда. Т. I. – Одесса, 1886. – С. 71–85.
58. Соболяникова Т. Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита-ранней бронзы: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.06. [Электронный ресурс]. – Барнаул, 1999. – 22 с. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <https://www.dissercat.com/content/goncharnye-traditsii-nizovii-kondy-v-epokhu-neolita-rannei-bronzy> (дата обращения: 05.05.19).

59. Старков В. Ф. К вопросу о периодизации зауральского неолита // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск, 1970, – С. 3–11.
60. Старков В. Ф. Хронология неолита лесного Зауралья // КСИА АН СССР. – М., 1978. – №. 153. – С. 90–93.
61. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.: Рипол Классик, 2013. – 348 с.
62. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М. – Л.: Издательство АН СССР, 1948. – 328 с.
63. Федоров Е.С. Геологические исследования в Северном Урале в 1884-1886 гг. // Горн, журнал, 1890. Т. 1. – С. 1-65.
64. Федоров Е.С. Геологические исследования в Северном Урале в 1887-1889 гг. // Горн, журнал, 1896. Т. IV. С. 51-69; Т. V. С. 188–249; Т. VI. С. 321–364; Т. VI. С. 52–98.
65. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.
66. Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История археология и этнография Средней Азии. – М: Наука, 1968. – С.41–53.
67. Шорин А. Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 1 (26). – С. 32–42.
68. Шорин А. Ф., Шорина А. А. Кокшаровский холм: неолитические сосуды с рельефными изображениями // Уральский исторический вестник. – 2016. – № 4 (53). – С. 15–24.
69. Шорин А. Ф., Шорина А. А. Неолитические комплексы Кокшаровского холма: генезис, этапы развития и культурная преемственность // СНВ. – 2019. – №2 (27). – С. 262–268.
70. Шорин А. Ф., Шорина А. А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – Т. 3. – С. 70–77.
71. Griffiths D. The role of interdisciplinary science in the study of ancient pottery // Interdisciplinary science reviews. – 1999. – Т. 24. – №. 4. – С. 289-300.
72. Miksa E. J., Heidke J. M. It all comes out in the wash: Actualistic petrofacies modeling of temper provenance, Tonto Basin, Arizona, USA // Geoarchaeology: An International Journal. – 2001. – Т. 16. – №. 2. – С. 177–222.

73. Morris E. L., Woodward A. Ceramic petrology and prehistoric pottery in the UK // Proceedings of the Prehistoric Society. – Cambridge University Press, 2003. – T. 69. – C. 279–303.
74. Shepard A. O. Ceramics for the Archaeologist. – Washington, DC: Carnegie Institution of Washington, 1985. – 414 c.
75. Willey G. R. Alfred Vincent Kidder // Biographical Memoirs of the National Academy of Sciences. – 1967. – T. 39. – C. 292–322.
76. Williams E. Pots, Pans, and People: Ceramic Ecology in West Mexico // Papers from the Institute of Archaeology. – 1992. – T. 3. – C. 44–51.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

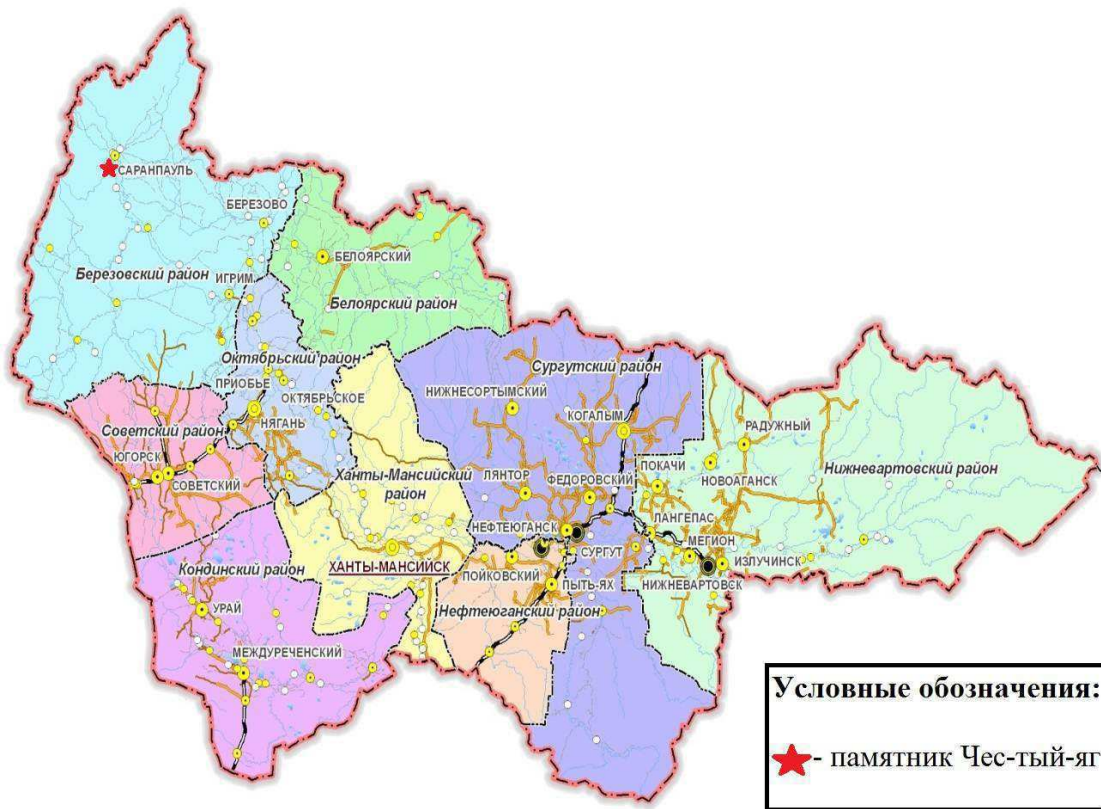

Рисунок 1 – Расположение памятника Чес-тый-яг на карте Ханты-Мансийского автономного округа.

Рисунок 2 – Поселение Чес-тый-яг. Жилище 8. Вид на котлован после расчистки нар и пола (сн. с северо-востока). Фото: Е. А. Васильев.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Рисунок 1 – Яйцевидный сосуд с седловидным обрезом венчика, коллекция МАЭС ТГУ № 7540. Фото автора.

Рисунок 2 – Яйцевидный сосуд с седловидным обрезом венчика, коллекция МАЭС ТГУ № 7540. Фото автора.

Рисунок 3 – Ладьевидный сосуд, коллекция МАЭС ТГУ № 7540; вид сбоку. Фото автора.

Рисунок 4 – Ладьевидный сосуд, коллекция МАЭС ТГУ № 7540; вид сверху. Фото автора.

Рисунок 5 – Фрагмент яйцевидного сосуда с прямым обрезом венчика, археологическая коллекция Музея Природы и Человека Ханты-Мансийска, номер предмета ХМ-9467/1860.

Фото: Альбом «Историческое время. Древности» [Электронный ресурс] URL: <http://kng.ugramuseum.ru/entity/OBJECT/64445?album=1486655&index=18> (дата обращения 10.06.19).

Рисунок 6 – Фрагмент чаши с выемкой, коллекция МАЭС ТГУ № 7540. Фото автора.

Рисунок 7 – Фрагмент сосуда с налепом, археологическая коллекция Музея Природы и Человека Ханты-Мансийска, номер предмета ХМ-9467/1415. Фото: Альбом «Историческое время. Древности» [Электронный ресурс] URL: http://kng.ugramuseum.ru/entity/OBJECT/63935?album=1486655&object_type=6&index=16 (дата обращения 10.06.19).

Рисунок 8 – Фрагмент окрашенного охрой сосуда, коллекция МАЭС ТГУ № 7540. Фото автора.

Рисунок 9 – Фрагмент окрашенного охрой сосуда, коллекция МАЭС ТГУ № 7540. Фото автора.

Рисунок 10 – Фрагмент сосуда с полизональной композицией, археологическая коллекция Музея Природы и Человека Ханты-Мансийска, номер предмета ХМ-9467/744 .

Фото: Альбом «Историческое время. Древности» [Электронный ресурс] URL: <http://kng.ugramuseum.ru/entity/OBJECT/62707?fund=6&album=1486655&index=24> (дата обращения 10.06.19).

Рисунок 11 – Фрагмент сосуда с полизональной композицией, коллекция МАЭС ТГУ № 7540. Фото автора.

Рисунок 12 – Фрагмент сосуда, орнаментированного двузубым орнаментом, коллекция МАЭС ТГУ № 7540. Фото автора.

Рисунок 13 – Фрагмент сосуда, орнаментированного двузубым орнаментом, коллекция МАЭС ТГУ № 7540. Фото автора.

Отчет о проверке на заимствования №1

Автор: ju.kvasnitsa@yandex.ru / ID: 6672764

Проверяющий: (ju.kvasnitsa@yandex.ru / ID: 6672764)

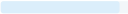
Отчет предоставлен сервисом «Антиплагиат»- <http://users.antiplagiat.ru>

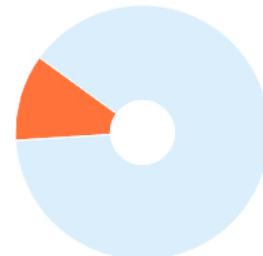
ИНФОРМАЦИЯ О ДОКУМЕНТЕ

№ документа: 5
Начало загрузки: 13.06.2019 12:20:00
Длительность загрузки: 00:00:07
Имя исходного файла: ВКР Квасница 031506
Размер текста: 2198 кБ
Символов в тексте: 182849
Слов в тексте: 22307
Число предложений: 2188

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ОТЧЕТЕ

Последний готовый отчет (ред.)
Начало проверки: 13.06.2019 12:20:08
Длительность проверки: 00:00:09
Комментарии: не указано
Модули поиска: Модуль поиска Интернет

ЗАИМСТВОВАНИЯ	ЦИТИРОВАНИЯ	ОРИГИНАЛЬНОСТЬ
10,76% 	0% 	89,24%

Заимствования — доля всех найденных текстовых пересечений, за исключением тех, которые система отнесла к цитированиям, по отношению к общему объему документа.
Цитирования — доля текстовых пересечений, которые не являются авторскими, но система посчитала их использование корректным, по отношению к общему объему документа. Сюда относятся оформленные по ГОСТу цитаты; общеупотребительные выражения; фрагменты текста, найденные в источниках из коллекций нормативно-правовой документации.

Текстовое пересечение — фрагмент текста проверяемого документа, совпадающий или почти совпадающий с фрагментом текста источника.

Источник — документ, проиндексированный в системе и содержащийся в модуле поиска, по которому проводится проверка.

Оригинальность — доля фрагментов текста проверяемого документа, не обнаруженных ни в одном источнике, по которым шла проверка, по отношению к общему объему документа.

Заимствования, цитирования и оригинальность являются отдельными показателями и в сумме дают 100%, что соответствует всему тексту проверяемого документа.

Обращаем Ваше внимание, что система находит текстовые пересечения проверяемого документа с проиндексированными в системе текстовыми источниками. При этом система является вспомогательным инструментом, определение корректности и правомерности заимствований или цитирований, а также авторства текстовых фрагментов проверяемого документа остается в компетенции проверяющего.

№	Доля в отчете	Источник	Ссылка	Актуален на	Модуль поиска
[01]	0,85%	Диссертация Мыльниковой Л.Н. Т.1	http://archaeology.nsc.ru	26 Окт 2017	Модуль поиска Интернет
[02]	1,6%	Самарский научный вестник. 2015. №3 (12) (2/2)	http://pgsga.ru	02 Янв 2018	Модуль поиска Интернет
[03]	0,49%	http://www.archaeology.nsc.ru/ru/publish/sessbornik/doc/ses_2016_min.pdf	http://archaeology.nsc.ru	03 Сен 2017	Модуль поиска Интернет

Еще источников: 17

Еще заимствований: 7,84%